

Д. А. ПРОХОРОВ

ОБЩЕСТВЕННЫЕ, НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ И ОРГАНЫ КОНФЕССИОНАЛЬНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ КРЫМСКИХ КАРАИМОВ В 1917-1920 гг.

История военно-политических, экономических и межнациональных отношений, сложившихся в Крыму после Февральской революции, неоднократно становилась объектом исследования. Особенный интерес в контексте указанной проблемы вызывает деятельность национальных партий, объединений и общественно-политических организаций, существовавших в данный отрезок времени. Однако до сих пор малоизученным аспектом прошлого крымских караимов является период с 1917 по 1920 гг., когда в России происходили кардинальные политические изменения, приведшие, по сути, к социальной и гуманитарной катастрофам. Эпоха коренного слома сложившихся устоев не могла не повлиять на дальнейшее существование народов и национальностей, населявших некогда могущественную империю. Именно поэтому история деятельности караимских национальных объединений и организаций, созданных с целью стабилизировать ситуацию внутри караимских общин, и до сих пор детально не изученная, сегодня вызывает пристальный интерес ученых и краеведов.

К сожалению, в советской историографии долгое время преобладали марксистско-ленинские концепции, приведшие к однобокому изучению проблемы; подавляющее число работ по данной теме носит печать политической заангажированности. Такой односторонний подход, базировавшийся почти исключительно на идеологических принципах, привел к негласному замалчиванию истории тюркоязычных народов Крыма – крымских татар, караимов, крымчаков. Следует сказать, что история гражданской войны становится предметом исследования сразу практически сразу после ее окончания. Некоторые аспекты военной, политической и экономической истории Крымского полуострова в период с 1917 по 1920 гг. нашли отражение в публикациях А.Н. Анишева, М.Ф. Бунегина, А.П. Платонова, К. Бочагова, Т. Бояджијева, А. Зайцова, Б. Вольфсона и В. Елагина [1–8]. Однако степень участия представителей караимских общин в общественно-политических процессах в Крыму в работах этого

периода не рассматривалась. В послевоенные годы история караимов также не изучалась – это было вызвано, прежде всего, событиями 1944 г. и депортацией из Крыма крымских татар, греков, немцев, болгар, армян и представителей других народов, а также обусловлено постановлениями объединенной научной сессии отделения истории и философии Крымского филиала АН СССР по вопросам истории Крыма, состоявшейся в 1952 г. Нежелательностью исследования мелкобуржуазных националистических групп, к которым были отнесены и караимы, объясняется отсутствие трудов на указанную тему. В тенденциозных работах некоторых советских историков по истории гражданской войны в Крыму активно «фетишизировалась» роль партии и её местных организаций [9, с. 453-456; 10–12].

В 1990-х гг. ситуация в отечественной науке кардинально изменилась. В этот период публикуются различные сборники документов эпохи гражданской войны; часть ранее засекреченных архивных материалов становится доступной исследователям; также выходят в свет переиздания и репринты публикаций 1920-х гг. [13–18]. Появляются труды современных авторов: П.И. Гарчева, В.Ф. Шарапы и К.К. Линева, А.В. Мальгина, С.Б. Филимонова, В.М. Брошевана, А.А. Форманчука, В.И. Королева, С.Е. Громова, Л. Абраменко, А. Ефимова, Н. Росса и др. [19–41]. Фундаментальные исследования по истории гражданской войны в Крыму предприняли А.Г. Зарубин и В.Г. Зарубин – в их публикациях, помимо всего прочего, были затронуты проблемы, связанные с прошлым этноконфессиональных общностей Крыма, и, в том числе, крымских караимов [42–49].

Однако в большинстве трудов современных авторов караимская проблематика практически не затрагивалась. Лишь в публикациях Н.В. Яблоновской [51–53] и О.Б. Белого [54–56] был рассмотрен ряд аспектов, непосредственно относящихся к истории некоторых караимских общин полуострова, а также проанализированы этапы развития караимской национальной периодической печати в 1917-1920 гг. В исследованиях В.В. Крестьянникова, А.В. Ишина, А.А. Бобкова, А. Чикина, Н.А. Давыдовой, Н.М. Терещук, И.А. Дьяконовой, А.Н. Артизова были изучены эпизоды, связанные с историей некоторых караимских общин Крыма в 1917-1930-х гг., а также приведены биографические сведения об отдельных их представителях [57–68]. Несколько работ обобщающего характера были опубликованы В.С. Кутайсовым [69], Л.В. Чижовой [70], а также современными караимскими авторами [71–74].

Ряд трудов, носящих характер мемуаров, несмотря на субъективность представленной в них информации и литературно-художественную форму изложения, также содержит ценные сведения о социально-политической обстановке в Крыму в 1917-1920 гг.; воспоминания участников событий тех лет значительно дополняют общую картину происходившего. Из этих произведений можно почерпнуть малоизвестную информацию о российских и зарубежных политиках, военных, деятелях культуры и науки того времени. Среди наи-

более известных авторов мемуарных записок можно назвать П.Н. Врангеля, А.И. Деникина, В.А. Оболенского, В.А. Богдановича, А.Л. Сапожникова и др. [75–82]; ценные сведения об отдельных представителях караимских общин содержатся в биографическом словаре Б.С. Ельяшевича [83].

Целью предлагаемой публикации является анализ деятельности органов караимского конфессионального самоуправления, а также караимских общественных и национально-культурных объединений в условиях смены политических режимов в Крыму в период с 1917 по 1920 гг. При работе над статьей использовались документы, отложившиеся в делах фондов Государственного архива в АР Крым, данные, приведенные в статистических отчетах, сборниках документов и прессе до- и послереволюционного периода, а также мемуары очевидцев событий того времени.

В 1917 г. Крым в этническом и конфессиональном отношении представлял собой довольно пеструю картину. Национальный состав полуострова выглядел следующим образом: по переписи 1917 г. на полуострове проживало 808903 человека; из них русских и украинцев – 49,4% (399 785 чел.), крымских татар и турок – 26,8% (216968), евреев, (включая крымчаков) – 8,4% (68159), немцев – 5,1% (41374), греки, армяне, болгары, караимы и пр.; всего – 34 национальности [50, с. 15, 16]. Караимов в Крыму в 1917 г. проживало 9078 человек [49, с. 56].

После Февральской революции 1917 г. буржуазные, социалистические и национальные организации в Крыму вначале всячески подчеркивали лояльность Временному правительству и свое единство с властями. В этот период формируются различные политические силы; на волне общегосударственных преобразований активизируются всевозможные национальные партии и общества. Отметим, что на полуострове в 1917 г. действовало около 30 национальных партий, движений и обществ; в числе 23 партий и движений было 16 национальных [49, с. 56].

17 марта 1917 г. под председательством караима А.Я. Хаджи¹ в Симферополе состоялось общее собрание Таврической губернской организации «Партии народной свободы» – т.е. партии кадетов. Члены собрания высказались за установление демократической республики и единодушные советы с Временным правительством до конца войны [84, с. 131]. Среди акти-

¹ Хаджи Абрам Яковлевич (1865-1920) – известный караимский политический и общественный деятель; купец. Состоял гласным Симферопольской городской думы, был присяжным поверенным. Занимал должность почетного попечителя Симферопольского русско-караимского министерского училища (с 1892 г.), являлся бессменным председателем «Симферопольского общества попечения о нуждах русско-караимского министерского училища» (в 1911-1920 гг.), жертвуя на благотворительные цели значительные денежные суммы. Один из инициаторов создания «Таврического купеческого банка» в Симферополе. В годы революции активно содействовал борьбе с черносотенным движением. Член Караимского Национального Совета (с 1917 г.) [83, с. 197, 198; 85, л. 17-21; 86, с. 125].

вистов партии кадетов следует также назвать караима Соломона Самойловича Крыма – будущего главы второго Крымского краевого правительства, а также феодосийца И.С. Хаджи².

В Севастополе самой крупной и активно действовавшей являлась городская организация партии эсеров (в мае 1917 г. она насчитывала 13 тыс. человек) [84, с. 133]; в число ее руководителей входил заместитель Председателя Совета караим И.Ю. Баккал³, который летом 1917 г. возглавил фракцию левых эсеров; до 1918 г. он являлся председателем фракции левых эсеров во ВЦИК [87, с. 171-177]. Активное участие в политической жизни в Севастополе в 1917 г. принимал один из сыновей Таврического и Одесского караимского гахама С.М. Панпулова, инженер путей сообщения А.С. Панпулов⁴. Членами

² Хаджи Исаак Самойлович (?-1935) – в 1901–1910 гг. присяжный поверенный; кадет. В 1915 г. – гласный феодосийской городской Думы и уездного Земского собрания; председатель феодосийской городской Думы. В июне 1917 г. был избран кандидатом в городскую Думу уже от РСДРП [88].

³ Баккал Илья Юрьевич (Юфудович) (1893 – не ранее 1950) – член партии социалистов-революционеров с 1906 г. Юрист по образованию, в 1917 г. И.Ю. Баккал был избран заместителем председателя Севастопольского Совета (в который, кстати, он избирался несколько раз); вместе с членом Совета народных представителей меньшевиком П.Г. Бундовым ездил в Петроград «с просьбой ходатайствовать об освобождении от наказания черноморцев за незаконное смещение Колчака». В июле 1917 г. И.Ю. Баккал был избран членом Севастопольского Совета от команды линкора «Евстафий». Являлся делегатом II Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов. Кроме того, в 1917 г. он был гласным Севастопольской городской думы. С октября 1917 г. до июля 1918 г. – председатель фракции левых эсеров во ВЦИК. С 1920 г. секретарь Центрального бюро левых эсеров (легальных). И.Ю. Бакал был арестован в августе 1922 г. в ходе операции по высылке антисоветской интеллигенции, а 29 сентября 1922 г., на зафрахтованном у немцев пароходе «Обербургомистр Хакен», рейсом из Петрограда в Штеттин (ныне Щецин) член Сельского союза И.Ю. Бакал, вместе с женой Тимофеевой-Баккал выехал из страны (в этот же день страну покинуло более 30 семей – всего около 70 человек московских и казанских интеллигентов. В их числе были: Н.А. Бердяев, С.Л. Франк, С.Е. Трубецкой, П.А. Ильин, Б.П. Вышеславцев, А.А. Кизеветтер, М.А. Осоргин, М.М. Новиков, А.И. Угримов, В.В. Зворыкин, Н.А. Цветков [65, с. 105; 68, с. 65-96; 89, с. 113-137]. Отец И.Ю. Баккала – член правления Севастопольского благотворительного общества Ю.И. Баккал [90, с. 89].

⁴ Панпулов Александр Самуилович (Самойлович) – еще во время своей учебы в Константиновском реальном училище в начале 1900-х гг. посещал кружок молодежи у Н.В. Никоновой, о чем сообщал в 1917 г. в своих мемуарах бывший эсер, севастопольский городской голова С.А. Никонов. Будучи членом руководящего ядра эсеровской организации в Севастополе, А.С. Панпулов в июне 1917 г. был выдвинут кандидатом, а через месяц – избран гласным Севастопольской городской Думы. Тогда же, в июле 1917 г. А.С. Панпулова избирают членом исполкома Севастопольского Совета от фракции эсеров, а затем – товарищем председателя Совета. 23 августа 1917 г. он, как инженер по поручениям управления начальника гидротехнических работ армии Западного фронта, по приказу войскам Севастопольского гарнизона и крепости «Севастополь» был назначен на службу в Севастопольское крепостное инженерное управление. В ночь с 15 на 16 декабря 1917 г. А.С. Панпулов был арестован как «пособник контрреволюции», но был освобожден, т.к. на 21 декабря 1917 г. он значился депутатом Севастопольского городского Совета военных и рабочих депутатов, гласным Се-

партии эсеров также состояли Д.С. и А.С. Пигиты⁵ – племянники известного караимского фабриканта, владельца московской табачной фабрики «Дукат» И.Д. Пигита [92, с. 30]. Активное участие в политических событиях в Крыму принимали социал-демократы, члены Крымского союза РСДРП – последний городской голова Евпатории С.Д. Джигит (занимал этот пост в 1919-1920 гг.) и общественный деятель И.С. Кушуль [83, с. 41, 118].

Не оставались в стороне от партийного и национально-культурного строительства на полуострове и непосредственно сами крымские караимские общины. С провозглашением политических и гражданских свобод караимские духовные и общественные лидеры с воодушевлением отмечали, что «отныне русский и татарин, поляк и караим, еврей и грек – все они равноправные сыны одной общей матери, великой и могучей России» [93, с. 3]. Фактически единодушие в поддержке курса Временного правительства высказали крымские национально-общественные и культурные организации – в том числе, и караимские. 4 марта 1917 г. Таврическим и Одесским караимским гахамом С.М. Шапшалом в адрес всем подведомственным караимским общинам России была разослана телеграмма с призывом «всецело подчиниться Временному Правительству». На собрании караимской общины Евпатории, состоявшемся 7 мая 1917 г., гахам провозгласил «громкое «ура» новому правительству, единодушно подхваченное всеми участниками собрания [94, с. 5]. В обращении к членам евпаторийской караимской общины С.М. Шапшал, отметив

вастопольской городской думы и председателем продовольственного комитета Севастопольской городской управы. При немецкой оккупации в 1918 г. А.С. Панпулов оставался в городе и возглавлял продовольственную управу [65, с. 104, 105].

⁵ Пигит Анна Савельевна (Садуковна) (1884-1938) – караимка, родилась в Москве. Образование – высшее. В 1906-1907 гг. – член «Боевой организации при Центральном Комитете Партии Социалистов-Революционеров», ставившей целью своей деятельности «насильственное посягательство на жизнь священной особы царствующего Императора, на лишение Его власти верховной и на изменение в России установленного законами основным образа правления». Арестована 31 марта 1907 г.; за революционную деятельность была осуждена царским судом и отбывала наказание на Нерчинской каторге. Освобождена в результате Февральской революции. В годы советской власти – беспартийная; научный сотрудник Госархива феодально-крепостнической эпохи. Проживала по адресу: Москва, ул. Большая Садовая, д. 10, кв. 5 (бывший доходный дом И.Д. Пигита. В нем, кстати, с 1921 по 1924 год жил и работал писатель М.А. Булгаков. Здесь же находилась т.н. «нехорошая квартира» (кв. № 50), описанная им в романе «Мастер и Маргарита»). А.С. Пигит была арестована 15 февраля 1938 г. по обвинению в контрреволюционной агитации. Осуждена 27 февраля 1938 г. «тройкой» при УНКВД по Московской обл. Расстреляна 7 марта 1938 г. Похоронена на кладбище в Бутово. Реабилитирована посмертно в апреле 1956 г. [91]. Пигит Давид Савельевич (Садукович) (1888-?) – один из руководителей московской организации левых эсеров; после революции – член коллегии «Центропечати», зав. отделом учета и распределения агентства; в дальнейшем – зав. Центральной учетно-распределительной комиссией (1918-1921 гг.). Был близко знаком с поэтом С. Есениным. На квартире Д.С. Пигита и А.С. Пигит в Москве ненадолго останавливалась эсерка Ф.Е. Каплан, готовя покушение на В.И. Ленина [95; 96, с. 438, 450-452].

благожелательное отношение членов правительства к делам всех без исключения национальностей, подчеркнул и то обстоятельство, что директор (комиссар) Департамента духовных дел иностранных исповеданий (ДДДИИ) МВД (впоследствии – Министерства исповеданий) профессор С.А. Котляревский⁶ пообещал ему свое содействие в вопросах, касавшихся изменения законодательства о караимах [94, с. 10].

Через несколько дней было решено созвать съезд представителей караимских общин – «для составления приветствий новому правительству», причем это приветствие, по мнению члена симферопольской караимской общины С.М. Ходжаша, должно было исходить не от имени Таврического и Одесского караимского духовного правления (ТОКДП), а от «всего караимского народа» [97, л. 2, 2 об.]. Для составления приветствий и для участия в работе съезда от каждой караимской общины должны были быть избраны уполномоченные, однако не все иногородние караимы имели возможность приехать к 15 марта 1917 г. в Евпаторию. Поэтому они попросили представлять их интересы членов евпаторийской караимской общины, а также караимов, которые находились в это время в Евпатории. Так, караимские общины Армянска, Мелитополя, Херсона и Киева уполномочили быть их представителем М.А. Айваза; бердянская и ялтинская – М.А. Ефета; московская и севастопольская – М.С. Луцкого; бахчисарайская – старшего газзана А.И. Катыка; екатеринославская – С.М. Сарача; николаевская – М.Ш. Луцкого; одесская – М.А. Телала; харьковская – Б.А. Бабовича; караимская община Харбина – И.С. Кушуля. Из Феодосии для участия в съезде были делегированы И.М. Кефели, В.С. Панпулов и С.Я. Крым [97, л. 3-18]. Из Петрограда, от направившегося туда С.М. Шапшала исполняющий во время его отсутствия обязанности гахама старший газзан Б.С. Ельяшевич получил телеграмму следующего содержания: «Всецело присоединяюсь постановлению уполномоченных приветствовать Временное правительство, прошу препроводить подлинник мне для присоединения также моей подписи <...> для личной передачи по назначению» [97, л. 19].

С приходом к власти Временного правительства последовали изменения в государственной присяге для граждан России. 7 марта 1917 г. была модифицирована форма государственной присяги для караимов; особым пунктом в нее были внесены следующие слова: «закключаю сию молитву целованием слов Божия Закона Святые Библии и ниже подпису-

⁶ Котляревский Сергей Андреевич (1873-1939) – член Государственной Думы первого созыва, кадет, доктор государственного права, теоретик русского «неолиберализма». С.А. Котляревский принадлежал к числу тех юристов, которые до и после Октябрьской революции 1917 г. активно участвовали в разработке новых демократических идей. Он отстаивал принцип «минимума организации и бюрократизации государственного аппарата» и поддерживал конституционный путь развития. Масон, учредитель русской масонской ложи «Возрождение» (1905 г.) [98, с. 44; 99, с. 68-70; 100, с. 87].

юсь»⁷ [101, с. 4]. Таврическому и Одесскому караимскому гахаму вменялось в обязанность довести до единоверцев суть произведенных изменений и ожидать официального распоряжения о назначении даты присяги не состоящего на военной службе населения, принадлежавшего к караимскому вероисповеданию [102, л. 1-34; 103, л. 1-3]. В сентябре также намечалось открытие караимской секции при ДДДИИ МВД, на заседании которой предполагалось обсудить различные вопросы, касавшиеся развития караимских общин. Однако этому не суждено было произойти – последовавший в октябре 1917 г. большевистский переворот перечеркнул планы караимского духовенства.

Оживление общественно-политической жизни, провозглашение демократических свобод стало причиной появления различного рода периодических печатных изданий – в том числе, и национальных. Так, в мае 1917 г. вышел в свет первый номер официального периодического печатного органа – «Известий Таврического и Одесского караимского духовного правления». Под этим названием журнал первоначально издавался в 1917 г., однако впоследствии название было изменено на «Известия Караимского Духовного правления» (в 1918-1919 гг.). Редактором-издателем был заявлен Серайя Маркович Шапшал, а редакторами – члены правления, старшие газзаны А.И. Катык и Б.С. Ельяшевич. Журнал просуществовал до 1919 г. [104, с. 595].

Фактически подбором материалов для этого издания и его корректурой занимался выпускник Александровского караимского духовного училища в Евпатории (АКДУ) старший газзан Арон Ильич Катык (Сарибан) [105, с. 95]. Одной из главных задач журнала была заявлена подготовка к общенациональному караимскому съезду; на страницах этого периодического печатного органа его учредители планировали размещать материалы, относившиеся к подготовке съезда, а также те статьи, в которых бы освещалась та или иная сторона национально-культурной жизни караимов. Девизом «Известий ТОКДП» было провозглашено «благо караимского народа»; под этим же девизом редакция журнала собиралась объединить все прогрессивные силы караимов и повести их по «стезе возрождения и процветания» [107, с. 3].

В «Известиях ТОКДП» на протяжении всего существования этого печатного органа публиковалась разнообразная информация местного и государственного значения. В частности, в июне 1917 г. редакция журнала призвала караимскую общественность, воодушевленную политическими и социальными переменами в стране и находившуюся в состоянии эйфории от провозглашенной правительством свободы, использовать открывавшиеся перед ней

⁷ Ср.: ранее, во время царствования последних представителей династии Романовых – Александра III и Николая II – текст присяги для лиц караимского вероисповедания заканчивался словами: «В заключении же сей моей клятвы целую десять заповедей Адонаи», или же «В заключении же сей моей клятвы целую слова закона Божия Тора» [106, л. 1-7].

перспективы с осторожностью, а именно – внедрять в жизнь караимов только то, что согласуется с их конфессиональными установлениями и традициями; не переступить ту грань, за которой свобода переходит в анархию [108, с. 2]. А в № 3 «Известий» было напечатано воззвание к караимам об участии в т.н. «Займе Свободы», призванном материально поддержать российскую армию. В обращении, в частности, говорилось: «Братья караимы! Мы переживаем великий момент строительства свободной России. Народу, завоевавшему свободу, предстоит гигантская работа: закрепить завоеванную свободу, подготовить себе новую, светлую жизнь <...> Мы, караимы, с гордостью можем сказать, что четвертая часть населения нашего народа сражается в рядах революционной армии» [109, с. 2, 3]. Это обращение нашло живой отклик не только среди членов крымских караимских общин, но и у караимов из других городов России [110, с. 15].

На фоне общегосударственных перемен выросло и общественно-политическое сознание караимов. Об этом может свидетельствовать факт создания «Караимской национально-демократической партии культурного самоопределения» (КНДПКС). И хотя ее существование было непродолжительным, однако партия оставила свой след в истории формирования новой государственности и развитии национального движения на территории бывшей Российской империи.

Попытка создания партии была осуществлена представителями караимской интеллектуальной элиты весной 1917 г. Идеологом КНДПКС стал известный активист караимского общественного движения С.С. Ельяшевич⁸, который опубликовал на страницах караимской русскоязычной прессы ряд статей, разъясняя в них задачи текущего момента. Например, в журнале «Известия ТОКДП» им было напечатано несколько заметок, посвященных проекту организации партии. В частности, в статье «Цивилизация и национальность» автор писал о значении коренных преобразования для общественной жизни караимов: «какими инертными, лично-узкими, нивелированными, полубезличными интеллигентами оказываются те из нас, которые не были приобщены к духу национальной культуры, к родным ценностям нашего идеализма!» [111, с. 15]. Либерал С.С. Ельяшевич, воодушевленный перспективой социальных и политических реформ, замечал, что до Февральской революции существовала «только одна свободная державная нация, остальные – подчиненные, полупорабо-

⁸ Ельяшевич Сима (Семен) Саадьевич (1879-1933) – караимский общественный деятель, ученый. Окончил 7-ю московскую гимназию и Строгановское художественное училище. Состоял заведующим караимской национальной библиотеки «Карай-Битиклиги» (с 1 (13) января 1918 г. по 1921 г.); член училищного совета при Евпаторийском караимском ремесленном училище С.А. Когена (1917-1919 гг.). С.С. Ельяшевич был участником II общенационального караимского съезда в Евпатории (1917 г.); состоял уполномоченным по делам первого караимского трудового поселка «Имдат-Пигит». Он – автор ряда публикаций на религиозно-философские и общественные караимские темы. В 1921 г. С.С. Ельяшевич уехал из Крыма в Москву, где кардинально изменил свои взгляды – от национально-патриотической идеи он пришел к атеизму и стал убежденным интернационалистом [113, с. 62-64].

щенные, угнетенные и – в лучшем случае – терпимые» [112, с. 15]. События февраля 1917 г. С.С. Ельяшевич назвал могучим рычагом развития караимской религиозности, общественности и национального духа – по его мнению, большинство требований караимского национально-культурного идеализма восторжествовало в результате февральской революции [114, с. 30; 115, с. 14]. Возрождение караимской культуры, истории и «караимской национальности» С.С. Ельяшевич видел, прежде всего, в сознательности единоверцев, их сплоченности ради общей цели, в их культурности и цивилизованности [112, с. 15].

Будучи убежденным идеалистом, С.С. Ельяшевич указывал на три основных принципа, по которым должна существовать любая нация – «национальное бессмертие, национальный идеализм и национальное воспитание». При этом то обстоятельство, что караимы жили длительное время наравне с «величайшими, могущественнейшими нациями», убеждало вдохновителя Караимской национально-демократической партии культурного самоопределения в том, что караимы не могли быть обречены на вымирание⁹. В числе первых шагов, направленных на духовное возрождение караимов, С.С. Ельяшевич в 1917 г. называл такие, как: «изучение караимского многовекового идеализма, организацию караимской демократической общественности и создание национальной школы» [112, с. 16]. Главным недостатком, который, по мнению С.С. Ельяшевича, должен был быть обязательно искоренен, являлась утрата культурно-исторической памяти, приведшая к тому, что в караимском (и не только караимском) обществе царили нравы «грубого кулачества, узко-мещанского практицизма»; попирались традиции и порядки, общественные интересы и даже право [114, с. 29]. Организация и защита принципа солидарности всех караимских общин во имя своего национально-исторического культурного единства, отстаивание правых интересов караимов – вот квинтэссенция программы КНДПНС, рассчитанной, прежде всего, на поддержку у караимских интеллектуалов, влиятельных общественных деятелей и меценатов [114, с. 31]. Осуществление этих шагов, по словам С.С. Ельяшевича, могло быть осложнено лишь тем обстоятельством, что в 1917–1918 гг. караимские общины уже существовали на территории не одного, а нескольких государств. Однако, по убеждению инициатора создания партии, общие цели, устремления и «жизненные интересы» у всех караимов должны были быть едиными [111, с. 15].

⁹ С.С. Ельяшевич, рассуждая о вымирании караимов, выражался не столько фигурально, сколько действительно был озабочен угрожающими данными статистики смертности и рождаемости среди караимского населения. Так, если в 1907 г., по сведениям ТОКДП, родилось 178 караимов, умерло – 173, а количество сочетавшихся браком составило 81, то в 1916 г. эти цифры выглядели так: родившихся – 106, умерших – 201, заключивших брак – 40. При этом отмечалось, что число погибших на фронтах Первой мировой войны не поддавалось точному подсчету, однако было «весьма значительным» [116, с. 12, 13; 117, с. 114-117].

Наконец, 18 мая 1917 г. в Евпатории, в помещении Александровского караимского духовного училища состоялось собрание инициативной группы организации КНДПКС. Председателем собрания был избран присяжный поверенный Ю.Ю. Тришкан¹⁰, а секретарем – Я.В. Ходжаш. Собравшимся был представлен разработанный инициативной группой проект создания КНДПКС, окончательное утверждение которого, по замыслу авторов проекта, должно было произойти на учредительном съезде партии. Основной мыслью, прозвучавшей в выступлениях докладчиков, стало объединение нации на платформе широкого национально-культурного самоопределения. Программа партии была дважды прочитана присутствовавшим (сначала на русском, а затем и караимском языках) одним из ее авторов, С.С. Ельяшевичем, с краткими пояснениями по отдельным пунктам. На собрании, после продолжительных прений, было принято решение о создании комиссии, в полномочия которой входило бы решение различного рода вопросов, связанных с объединением караимов. Лидеры КНДПКС обратились к караимам с воззванием, в котором излагали основные идеи и принципы партии: «Граждане караимы! <...> Объединимся в одно целое общество, поставившее своей целью борьбу с темными силами реакции, отстаивание завоеванной Новой Россией победы над старым режимом, и поддержку всеми нашими скромными силами Временного Правительства» [115, с. 12, 13]. Первоочередной задачей перед партией ставилось содействие сохранению основ составляющих караимского общества: религии, языка и культуры. Члены КНДПКС планировали также оказывать широкую помощь всем нуждавшимся в духовной и материальной поддержке караимам. В обращении Евпаторийской организационной группы КНДПКС к общественности указывалось, в частности, и на то, что караимское общество неоднородно; некоторые его представители, вследствие «политической близорукости», не осознавали важности текущего момента (подразумевалась, прежде всего, та часть караимской интеллигенции, которая подверглась русификации в правительственных учебных заведениях и была в достаточной степени ассимилированной, и поэтому, по мнению авторов обращения, утратившая национальное самосознание) [115, с. 14]. Следует заметить, что активисты организационной группы КНДПКС, призывая караимов вступать в ряды партии, стремились направить свои силы не только на духовное самоопределение и возрождение караимов, но и на достижение

¹⁰ Тришкан Юфуда (Юрий) Юфудович (Юрьевич) (1862-1925) – караимский общественный деятель, юрист; после окончания университета служил несколько лет помощником прокурора в Киеве. Имел чин титулярного советника. Оставив государственную службу, возвратился в Евпаторию и занялся частной юридической практикой. Крупный землевладелец и солепромышленник. Некоторое время состоял в должности почетного попечителя АҚДУ (избран в 1902 г.) [118, с.189, 190; 120, л. 53]. В Евпатории проживал на ул. Пушкинской, 23. В 1920 г. эмигрировал в Болгарию, где и умер в 1925 г. [119, с. 240; 182, л. 11].

ими экономического благополучия. КНДПКС обратилась в редакцию «Известий ТОКДП» с просьбой разместить на страницах журнала материалы, непосредственно относящиеся к деятельности партии в частности, и к событиям национальной, культурной и общественной жизни, в целом. А.И. Катык пошел навстречу этой просьбе, однако при этом заметил, что редакция журнала не разделяет мнения КНДПКС относительно караимской интеллигенции, изложенного в воззвании партии [108, с. 2].

Тем не менее, в июне 1917 г. в очередном номере «Известий ТОКДП» «Проект программы Караимской национально-демократической партии культурного самоопределения» был опубликован. Этот документ состоял из четырех отделов, 11 параграфов и 20 пунктов. Согласно проекту, основными задачами КНДПКС декларировались: 1) борьба во имя национального и культурного развития нации и освещение всех условий – как препятствующих, так и содействующих этому; 2) организация национальных сил на почве общих национальных и культурных интересов караимов. В основных положениях своей программы КНДПКС заявляла, что считает караимов самостоятельной национальностью, и, не затрагивая академической стороны вопроса (т.е. предоставляя решение этой проблемы ученым), относила их к «семито-тюркской» расе [121, с. 4].

Помимо всего прочего, члены КНДПКС указывали на то, что религиозные вопросы караимизма настолько тесно связаны с вопросами национальными, что партия выдвигала следующие опорные тезисы: 1) «в своем религиозном идеализме караимы исходят из опыта духовной культуры», заключенного в ТаНаХе; 2) провозглашение независимости мнений от религиозных авторитетов; «критика религиозно-философского идеализма относится к области не воли народной массы, а ее внутреннего сознания и совести» (при этом С.С. Ельяшевич и его коллеги, в целях выяснения исторической и национально-культурной позиции караимизма в контексте основных учений религиозного идеализма, призывали различать его направления среди мировых религий, выделяя т.н. христианскую, талмудическую и арабо-византийскую школы).

КНДПКС считала этнически родственными и тесно примыкающими к караимам группы, которые были объединены с ними по конфессиональному признаку. Прежде всего, речь шла о караимах Турции, Египта и Палестины; что касается караимов, проживавших в западных губерниях России, то они, по мнению авторов партийного проекта, представляли тождественную с крымскими караимами этноконфессиональную общность. Национальными языками объявлялись древнееврейский язык (как язык богослужения и духовной литературы) и караимский, как разговорный; центром национальной культуры – непосредственно Крымский полуостров, а «в нем город Евпатория по преимуществу». Своей «национальной территорией» партия провозглашала Чуфут-Кале с прилегавшими землями, а также: караимские кладбища в Галиче, Троках, Луцке и Паневежисе, которые в тот момент находились

на территориях, охваченных военными действиями; караимский храм Аана в Иерусалиме и земельный фонд караимов в России (при этом партийные идеологи подчеркивали, что КНДПКС считает караимов гражданами Российского государства и не преследует никаких сепаратистских целей, а сами термины «национальная территория и «земельный фонд караимского народа» должны были расцениваться как внешние правовые выражения национальной и культурной независимости караимов).

Перед КНДПКС ставился целый комплекс национально-культурных задач. Во-первых, планировалось создание новых учебных и просветительских учреждений, а также развитие уже существующих – национального музея, библиотеки, ученого общества, театральных кружков и пр. Во-вторых, предполагалась проведение реформы в образовательной сфере; осуществление материального обеспечения караимских школ и училищ. В-третьих, партия собиралась оказывать содействие развитию общего образования, сохранению и развитию караимской литературы, «национального сознания в области изящных искусств», а также поддерживать связь с общественностью. В области материальной культуры первоочередной задачей КНДПКС считала восстановление исторически значимых памятников караимской истории и культуры – городов Чуфут-Кале и Троки. Далее партия планировала создание на «общих для России принципах справедливости» т.н. национально-земельного фонда, состоящего из земельных владений караимов-помещиков – для обеспечения и развития агрономической культуры среди караимского населения (в этом контексте программой партии подразумевались создание и организация караимских трудовых поселков – в частности, на земле, пожертвованной табачным фабрикантом и меценатом И.Д. Пигитом – а также поддержание среди караимов садоводства, развитие огородничества, ремесел и т.п.) [121, с. 4, 5]. Помимо этого, планировалось также создание некоего общего фонда, в котором были бы объединены материальные средства всех караимских общин России. Общенациональный караимский фонд, насчитывавший к тому времени капитал более чем в 200 тыс. руб., также планировалось увеличить за счет пожертвований.

Программой КНДПКС подразумевалось создание органов национального единства. Например, лидеры партии называли первоочередной задачей организацию такого звена, которое было бы связующим между караимами всех стран, и занималось бы вопросами взаимоотношений между ними и выработкой общей политики. Остальными звеньями самоуправления караимов были определены: духовенство (а именно, Таврическое и Одесское караимское духовное правление во главе с гахамом – духовным главой народа, почетным председателем и представителем многих караимских учреждений и организаций; при этом также указывалось на необходимость реформирования ТОКДП с целью расширения его компетенции); представители караимских общин на местах, габбаи (старосты) и правление общин.

Еще одним органом самоуправления должны были служить периодические съезды делегатов от караимских общин [121, с. 5].

Координатором во взаимодействии между караимскими общинами и в установлении между ними тесного контакта КНДПКС объявила себя. Осуществлять подобную работу должны были отделы партии, созданные на местах, а содействовать проведению в жизнь намеченных пунктов программы – съезды представителей членов партии (т.е. делегатов отделов). КНДПКС должна была избрать на первом своем съезде Общий Комитет, как постоянный объединяющий орган.

За несколько недель до опубликования этой программы, 24 мая 1917 г. в Симферополе состоялось первое организационное собрание местной национальной группы КНДПКС. На собрании с докладом о происходивших в караимских общинах Таврической губернии расколах и, в частности, о разрозненном положении караимов выступил главный идеолог партии С.С. Ельяшевич. Он предложил присутствующим (среди которых были и представители Феодосийского национального караимского клуба) от имени инициативной группы организовать партию на началах проектной программы. Феодосийская группа делегатов приветствовала это обращение, и, в свою очередь, призвала всех присутствовавших «организоваться и принять для однообразия предложенный клубом устав» [122, с. 14]. В итоге собрание приняло резолюцию: организовать в Симферополе отдел КНДПКС и избрать часть президиума (председателя и секретаря), предоставив им обратиться с воззванием к караимам Симферополя «организоваться» на тех же началах проектной программы, которые были приняты в Севастополе, Бахчисарае и Одессе. Председателем был избран С.С. Ельяшевич, а секретарем – В.И. Микей.

Проанализировав программу «Караимской национально-демократической партии культурного самоопределения», можно сделать вывод о том, что некоторые ее пункты были схожи с основными программными заявлениями как партии конституционных демократов (это касалось, прежде всего, того обстоятельства, что все караимские общины, во главе с ТОКДП, безоговорочно поддержали Временное Правительство и его распоряжения), так и эсеров (например, в вопросе о социализации земли с уравнительным распределением в обществе равных тружеников без эксплуататоров и эксплуатируемых). Сравнивая программу КНДПКС с программами других национальных партий, можно найти много общего. Следует сказать, что в России существовало 12 национальных социал-демократических партий: армянская, белорусская, еврейская, грузинская, латвийская, литовская, украинская, эстонская; всего же к 1917 г. в стране насчитывалось 38 буржуазных партий – из них 8 общероссийских и 16 национальных – и 14 либерально-буржуазных (5 общероссийских и 9 национальных); список мелкобуржуазных партий состоял из 11 общероссийских и 27 национальных [123, с. 45-59, 100-115; 124, с. 109-120; 125, с. 704-708; 126,

с. 66-86; 127, с. 83-95; 128, с. 11-21]. Что касается непосредственно Крыма, то нужно отметить, что после Февральской революции на полуострове действовало около 30 организаций различных партий и движений, в т.ч. еврейские (Бунд, Поалей-Цион, Цеира-Цион, СЕРП, сионисты), армянские (Дашнакцютун, отдельные члены Гнчак), украинские (УСДРП, УПСР, громады), крымско-татарских социалистов-федералистов, польско-литовский комитет РСДРП (в Феодосии), польский комитет РСДРП (в Севастополе), Великорусское вече, а также национальные общества: караимское, эллинское, греческое, эстонское, великороссов, немцев; еврейский общественный совет, губернский комитет немцев и т.п. [49, с. 56]. В общих чертах стратегическим направлением российских национально-демократических партий являлась осуществление комплексной национальной программы во всех сферах жизни: политической, социальной и духовной. Отметим также, что большая часть национальных партий после февраля 1917 г. стояла на позиции буржуазного национализма, что в полной мере относилось и к КНДПКС. В целом, ее деятельность можно отнести к консервативно-либерально-демократическому направлению.

Необходимо отметить, что караимское движение национально-культурного самоопределения нашло поддержку не только у местных караимских общин, но и среди караимов западных губерний (из гг. Вильно, Троки, Поневежа, Луцка и др.), оказавшихся в Крыму в статусе беженцев из охваченных военными действиями территорий. Известный караимский журналист О.И. Пилецкий¹¹, представлявший интересы литовских караимов в Таврической губернии, поместил на страницах «Известий ТОКДП» несколько заметок, в которых выразил полное одобрение курсу, предложенному караимскими духовными и общественными лидерами [129, с. 26]. В 1917 г. группой караимов-беженцев из Литвы было объявлено о создании «Национально-демократического кружка литовских караимов культурного самоопределения». На собрании, посвященном открытию кружка, О.И. Пилецким был сделан доклад о современном положении караимов; затем он предложил присутствующим приступить к собственно организации кружка на началах проектной программы, выработанной инициативной группой КНДПНС [130 с. 15]. О.И. Пилецкому также было предоставлено право заниматься в дальнейшем организационными вопросами созданного объединения.

Одним из эффективных средств к достижению своих целей лидеры КНДПНС видели в организации разнообразных культурно-просветительских обществ, клубов и кружков, призванных распространять среди караимского населения идеи объединения и национального самоопределения на культурно-просветительской основе. Следует сказать, что в 1917 г. куль-

¹¹ Отметим, что до сентября 1918 г. О.И. Пилецкий состоял также в должности делопроизводителя в ТОКДП [131, с. 168].

турно-просветительские общества были созданы во многих городах Таврической губернии. Ими организовывались кружки по изучению караимской истории, религии, литературы и искусства, караимского и древнееврейского языков, проводились детские чтения и экскурсии. На территории полуострова действовало несколько таких организаций. Так, «Феодосийский караимский национальный клуб» был создан 3 мая 1917 г.; летом 1917 г. национально-просветительский клуб открылся в Бахчисарае; тогда же в Одессе было организовано «Одесское Общество Объединения караимов». Имеются сведения о работе Севастопольского караимского культурно-просветительского общества, насчитывавшего в своих рядах более 200 членов; культурно-просветительский кружок караимской молодежи существовал в Симферополе, а в Евпатории действовал «Кружок молодежи» [132, с. 51-62].

Таким образом, можно констатировать, что руководители КНДПНС и сочувствовавшие ее деятельности представители прогрессивной караимской интеллигенции старались широко пропагандировать идеи партии, комплексно представлять план развития караимских общин на ближайшие годы, знакомя единоверцев с историей, духовной и материальной культурой крымских караимов; привлекали в созданные просветительские общества и кружки караимскую молодежь, разъясняя им цели и задачи караимского национально-культурного самоопределения.

Отметим также, что история КНДПНС была сравнительно недолгой – в связи с началом на полуострове гражданской войны, этническими конфликтами, голодом и разрухой, а также в условиях смены различных правительств эта партия исчезла с политического горизонта.

Анализируя культурно-национальное и общественное движение в этот период, необходимо подчеркнуть, что определяющую роль в жизни караимских общин России в целом, и Таврической губернии, в частности, играют съезды караимской общественности и духовенства. Так, с 18 по 27 июня 1917 г. в Евпатории проходил съезд караимского духовенства, на котором, помимо некоторых доктринальных проблем, обсуждались злободневные вопросы, связанные с положением дел в караимском обществе. Одной из тем, вынесенных на обсуждение участников съезда, стал вопрос об изменении «Положения об управлении духовными делами караимов». Общественно-политические преобразования в стране, провозглашение Временным правительством свободы слова, печати, союзов, собраний и стачек, отмена всех сословных, вероисповедных и национальных ограничений привели к тому, что некоторые пункты принятого еще в середине XIX в. «Положения» были признаны караимскими духовными лидерами устаревшими (однако сразу оговоримся, что кардинальных изменений в этот документ вносить не предполагалось). Прежде всего, было решено изменить порядок замещения двух должностей в ТОКДП – делегаты съезда пришли к заключению, что выбор членов правления может

осуществляться газзанами, которые должны избирать их или из своей среды, или же из мирян, получивших специальное богословское образование [133, с. 7]. Помимо этих двух непреременных членов ТОКДП (один из которых назначался замещающим должность гахама на время отсутствия или болезни последнего), членами правления также признавались два газзана – настоятели Большой и Малой евпаторийских кенас. Было также предложено внести изменения в статью 1262 Свода законов Российской империи, гласившую, что отныне «духовенство караимов составляют гахам, старшие газзаны¹², газзаны, шамаша и озеры». Устав об управлении делами караимских общин был разработан там же, на съезде караимского духовенства, для дальнейшего его рассмотрения на общенациональном караимском съезде [134, с. 11, 12].

Кроме того, делегатами съезда караимского духовенства были приняты следующие важные решения, также переданные для обсуждения на готовившийся общенациональный караимский съезд:

- об определении принадлежности к караимской конфессии (т.е. о том, кого следует считать караимами);
- о вступлении «иноверцев» в лоно караимского вероисповедания;
- об общей переписи караимского населения;
- о преобразовании Александровского караимского духовного училища в общеобразовательное учебное заведение со специальными дополнительными классами для юношей, готовящихся к деятельности священнослужителей;
- об улучшении положения приходских школ (с расширением их учебных программ за счет общеобразовательных дисциплин, введение в учебные программы обязательного преподавания караимского катехизиса и т.д.);
- об улучшении состояния Евпаторийского ремесленного училища С.А. Когена (в частности, о привлечении в него детей местных и иногородних караимов);
- и, наконец, о разрешении браков между караимами и лицами, не принадлежащими к караимской конфессии, а также о разрешении приема детей от смешанных браков (т.е. от браков между караимами и представителями других конфессий) в караимские учебные заведения.

Что касается первого вопроса, делегаты съезда караимского духовенства выработали однозначную резолюцию. Они постановили: под названием «караим» следует подразумевать принадлежность к караимской религии, а не к народности [133, с. 11]. «Караимами называются люди, – говорилось в резолюции, – исповедующие караимскую религию, и составляющие

¹² Отдельным пунктом на съезде караимского духовенства рассматривался вопрос о материальном обеспечении газзанов – неотложность решения этого вопроса была вызвана тем, что положение духовенства «при нынешней дороговизне стало весьма тяжелым»; делегаты высказывались также за страхование духовных лиц, выплату их семьям денежных пособий [133, с. 10].

особую, исторически сложившуюся народность (при этом под караимской народностью подразумеваются караимы, живущие в Крыму, и примыкавшие к ним издавна, еще до присоединения Крыма к России, вступавшие с ними в браки и непрерывно духовно питавшие их караимы Константинопольские, Египетские, Иерусалимские, Багдадские, Сирийские и Литовские)» [133, с. 6]. Кроме этого, важным моментом в контексте изменившейся политической обстановки в стране стало обсуждение на съезде вопроса о составлении новой специальной молитвы о благополучии Российской державы [133, с. 5; 135, с. 7].

С 16 по 21 июля 1917 г. в Евпатории состоялось совещание членов ТОКДП, для участия в работе которого были приглашены представители от всех караимских общин. В задачи совещания входила разработка ряда вопросов доктринального и общественного характера, для последующего их представления на обсуждение II общенационального караимского съезда в Евпатории (27 августа – 3 сентября 1917 г.) [136, с. 4]. Председательствовал на совещании гахам С.М. Шапшал; всего для обсуждения деталей предстоящего общенационального съезда прибыло 17 делегатов из разных городов России (в основном, Таврической губернии и городов – Москвы, Петрограда, Харькова, Екатеринослава, Николаева, Одессы и др.). Во время работы совещания были приняты основные пункты «Положения о выборах делегатов на Общенациональный караимский съезд 27 августа [1917 г.]», состоявшего из трех параграфов и 18 подразделов, и которые стали руководством для караимских общин в вопросе выборов делегатов на съезд. Правом решающего голоса на нем наделялись караимский гахам как председатель духовного правления, два члена ТОКДП, караимские газзаны и лица, исполняющие эти должности, а также делегаты от караимских общин. При этом делалась поправка, что решающий голос у представителей караимского духовенства может быть использован лишь при обсуждении вопросов религиозного толка. Право же избирать делегатов на съезд было предоставлено членам всех караимских общин обоего пола, достигшим 20-летнего возраста, проживавших в той или иной общине не менее двух месяцев и являвшихся при этом русскими подданными. На обсуждение был вынесен и вопрос о выборах на предстоявшем съезде караимского гахама, а также примерный проект устава об управлении делами караимских общин [136, с. 6-12].

С 27 августа по 3 сентября 1917 г. в Евпатории прошел II Общенациональный съезд караимов. Это был первый съезд, на который были допущены женщины-караимки; первый съезд, на котором караимские общины были представлены не на принципе представительства, как это осуществлялось ранее, а на основании принципа пропорциональности (из расчета – 1 делегат на 200 членов общины обоего пола всех возрастов). Данное решение было принято ранее делегатами совещания членов ТОКДП [136, с. 3-10]. Помимо вопросов, преданных в июне представителями караимского духовенства и членами

июльского совещания для обсуждения на общенациональном съезде, среди основных пунктов в его программе были: обсуждение возможности перевода караимских молитв на русский язык или параллельное их чтение на двух языках – русском и караимском; устройство трудового поселка «Имдат Пигит» на земле, купленной на средства, переданные ТОКДП согласно завещанию И.Д. Пигита; организация общенациональной помощи нуждавшимся караимам; изыскание средств к поддержке памятников караимской истории и культуры; выборы караимского гахама на основе всеобщей, прямой равной и тайной подачи голосов лицами обоего пола, достигшими двадцатилетнего возраста (этот пункт был включен в повестку съезда по предложению самого С.М. Шапшала, обратившегося с призывом к караимам принять участие в выборах – при этом он счел своим нравственным долгом оставаться до съезда на своем посту) [137, л. 1-10, 47, 50; 138, с. 4; 139, с. 5].

Что касается последнего пункта, то выборы Таврического и Одесского караимского гахама, по предложению Киевской и Бердянской караимской общин и после обсуждения этого вопроса делегатами июльского совещания, были отложены до окончания войны. Кроме того, общенациональный караимский съезд 1917 г. решено было наделить совещательными функциями, т.к., по мнению уполномоченных от караимских общин, значительное число караимов было лишено возможности присутствовать на нем (из-за участия многих мужчин-караимов в войне, в связи с военными действиями на территории западных губерний России, где проживала часть караимского населения империи, и т.п.) [136, с. 9].

На II Общенациональный караимский съезд в Крым прибыло 49 делегатов практически от всех караимских обществ России. Несмотря на то, что было постановлено придать этому съезду характер совещательного (как уже говорилось выше, принятие основных решений делегаты перенесли на послевоенное время), на нем был озвучен ряд важных резолюций. В частности, подтверждены некоторые положения, разработанные на июньском съезде караимского духовенства. Так, на повестку общенационального съезда были вынесены следующие вопросы: 1) о самоопределении караимов; 2) об отношении к «русским караимам»; 3) об отношении к другим народностям; 4) о смешанных браках. Участники съезда также приняли постановление о преобразовании АКДУ в среднее учебное заведение; об улучшении положения «мидрашей» (приходских караимских школ) и Евпаторийского ремесленного училища С.А. Когена; об организации общенациональной помощи нуждающимся караимам; об изыскании средств для охраны и поддержания памятников караимской старины и пр. [140, с. 1-4; 135, с. 5-25].

Относительно первого вопроса делегаты съезда выработали следующую резолюцию: «Караимы, являясь коренными обитателями Крыма, представляют собой объединенную общностью веры, крови, языка и обычаев особую народность, издревле сохраняющую неразрывную духовную связь

со своими Константинопольскими, Иерусалимскими и Египетскими единоверцами» [135, с. 8]. По второму пункту в прениях принимали участие такие авторитетные среди караимов общественные деятели, как старший газзан А.И. Катък, С.С. Ельяшевич, профессор Г.И. Танатар, присяжный поверенный А.Я. Хаджи и др. В результате дебатов было решено создать особую комиссию, состоящую из газзанов, врачей, юристов для обсуждения проблемы взаимоотношений между караимами и т.н. «субботниками» (русскими караимствующими) [135, с. 9]. Что касается вопроса о смешанных браках, то даже после проведения закрытого заседания съезд так и не смог выработать единого мнения, и поэтому было решено отложить обсуждение данного вопроса до очередного общенационального съезда, запланированного на послевоенное время. Тем не менее, некоторыми делегатами была подготовлена и озвучена резолюция, гласившая: «Не предрешая вопроса о смешанных браках в положительном смысле, съезд высказывается за принятие в лоно караимства лиц, вступивших в таковой брак, каждый раз по приговору общины, имеющей кенасу, с санкции Духовного правления»¹³ [135, с. 9].

Заметим, что караимы, среди которых было значительное число зажиточных семей, в основной своей массе не приняли октябрьский переворот 1917 г. в Петрограде. В годы гражданской войны большинство караимов-военнослужащих воевало на стороне белых; более половины из них погибло. Серьезный урон караимским общинам полуострова нанес принявший устрашающие масштабы террор со стороны «крайне левых». Так, 23 и 24 февраля 1918 г. в городах Крыма погибло около 600 человек разных национальностей; среди них было немало караимов [49, с. 63]. Например, в Севастополе большевиками были убиты: известный художник, прапорщик М.М. Казас (племянник караимского просветителя И.И. Казаса); подполковник в отставке Ю.И. Харченко и его братья, видные караимские общественные деятели – гласный Севастопольской городской думы, председатель Севастопольского караимского благотворительного общества (с 1913 г.) Ф.И. Харченко (ему также принадлежал завод по производству мыла «кил» на ул. Очаковской) и

¹³ Следует сказать о том, что после революции 1917 г. число членов караимских общин, решивших перейти в иное вероисповедание, а также лиц других конфессий, стремившихся принять караимскую веру, значительно увеличилось. Остановить тенденции расслоения караимской общины, препятствовать процессам «отмирания» многих религиозных догматов ортодоксально настроенные представители караимской общественности и ТОКДП были уже не в силах, несмотря на все обращения духовных и национальных караимских лидеров о консолидации. Наряду с фактами перехода из караимского вероисповедания в другие конфессии, также фиксировались случаи возвращения в «лоно караимской религии». Несмотря на призывы караимского духовенства и интеллигенции о сплочении, о возрождении прошлого караимов, их религиозных и национальных обычаев, тем не менее, этническое и профессиональное самосознание караимского населения постепенно нивелировалось (особенно это было заметно в отношении молодежи) [141, с. 134-143].

владелец типографии Д.И. Харченко; купцы А.С. Казас¹⁴, Ефим Семенович и Ефрем Семенович Кефели, И.Е. Прик [49, с. 63; 74, с. 73; 142, с. 101-103; 143, с. 207; 144, с. 27]. В Евпатории в первые дни января в результате резни, когда прибывшие в город матросы «врывались в мирные дома, хватали невинных людей, душили на глазах у родных, <...> расстреливали, бросали в море, терзали и мучили жестоко и хладнокровно»¹⁵, погибли: участник Первой мировой войны, штабс-капитан М.И. Гелелович (убит 15 января 1918 г. во время высадки «красного десанта» в Евпатории), габбай евпаторийской караимской общины И.М. Туршу, члены общины: И.А. Гелелович, И.Я. Нейман, А.М. Сарач, А.П. Синани, И.С. Туршу, И.В. Шишман, А.И. Эль и многие другие¹⁶. В Симферополе от рук бандитов погибли фабрикант А.М. Кефели, директор Сельскохозяйственного банка Б.И. Бобович, М.Я. Шишман (один из совладельцев симферопольской кондитерской фабрики «Братьев Шишман») и Э.Н. Робачевский [146, с. 30; 144, с. 27, 28].

Следует подчеркнуть, что среди погибших в годы гражданской войны было немало караимов-военнослужащих, оставшихся верными принесенной присяге: прапорщик В.С. Бабаджан (художник, поэт, искусствовед; в конце 1920 г. добровольно сдал оружие, однако затем был расстрелян большевиками),

¹⁴ Хаос, неразбериха и бесчинства большевиков в эти дни достигали такого размаха, что тела некоторых убитых 23 и 24 февраля 1918 г. их родственники не могли разыскать еще долгое время. Так, вдове караимского купца Арона Соломоновича Казаса Эстер Казас свидетельство о смерти ее мужа было выдано севастопольским газзаном Т.С. Леви-Бабовичем лишь 23 апреля 1918 г., причем с такой формулировкой: «был убит в городе Севастополе неизвестными лицами, но тело его не предано земле по караимскому обряду за неразысканием трупа», который был обнаружен только через несколько месяцев, и погребен на Севастопольском караимском кладбище лишь 28 июня 1918 г. [145, л. 9, 9 об.].

¹⁵ В ночь на 1 марта 1918 г. из города исчезло около 40 человек – в основном, это были зажиточные горожане. По свидетельству очевидцев, намеченных к убийству арестовывали красноармейцы, которым один из организаторов расстрелов, С. Немич, выдавал записки с указанием фамилий. Арестованные сначала доставлялись в тюрьму, где у них отбирали все ценное, а затем ночью на грузовых автомобилях увозились за город, где их расстреливали на берегу моря. После обнаружения могилы с захороненными выяснилось, что, за небольшим исключением, все тела были в одном нижнем белье и без ботинок; в разных местах на трупах были колото-резаные раны. Присутствовали тела с отрубленными головами (как у помещика Абиля Керим Капари), с отрубленными пальцами (у помещика, купца и общественного деятеля караима Арона Марковича Сарача). Было установлено, что перед расстрелом жертв выстраивали неподалеку от вырытой ямы и стреляли в них залпами разрывными пулями, кололи штыками и рубили шашками [17]. По воспоминаниям очевидцев событий тех лет, грабежи и убийства осуществляли не только большевики – так, окрестности Евпатории в 1920 г. терроризировали бандиты и мародеры, забиравшие лошадей и резавшие скот, принадлежавший вышеупомянутому помещику А.М. Сарачу, и которые убили сына управляющего его имением [78, с. 212].

¹⁶ В это же самое время чудом избежал гибели другой известный караим – евпаторийский врач и общественный деятель Борис Ильич Казас (1861-1922), которого прибывшие в Евпаторию матросы арестовали, заключили под стражу и собирались расстрелять, и лишь вмешательство горожан, потребовавших немедленно отпустить Б.И. Казаса, спасло ему жизнь [149, с. 170].

поручик Феодосийской караульной команды, потомственный почетный гражданин Феодосии С.Я. Крым (убит красноармейцами во время комендантского часа), подполковник Л.С. Лопато (убит в 1920 г. в Севастополе); были убиты также вольноопределяющийся в составе белой армии феодосийский мещанин Савускан; адвокат А.И. Ферик, В.А. Кальфа и Ф.С. Кальфа [59, с. 72-79; 74, с. 70, 73-75; 83, с. 123, 193, 228; 88; 144, с. 27; 147, с. 58-61]. Членами ТОКДП и лично С.М. Шапшалом были выражены соболезнования семьям погибших караимов Евпатории, Симферополя и Севастополя; гахам подчеркнул, выступая в начале 1918 г. в Евпаторийской кенасе перед прихожанами, что в дни печали караимы должны «помнить о Боге и Его Храме», а в дни радости – объединятся вокруг религии и духовных ценностей¹⁷ [148, с. 35].

В 1918 г., в связи с начавшейся гражданской войной, обострилась политическая борьба на территории полуострова. Результатом этого противостояния стали многочисленные вооруженные конфликты, вскоре переросшие в межэтнические и межконфессиональные столкновения, с падением Республики Таврида и началом германской оккупации Крыма вспыхнувшие на полуострове с новой силой [150, с. 397-408]. По некоторым данным, в апреле 1918 г. было убито более 200 человек, уничтожено имущества на сумму 2 928 000 руб. По словам В.Г. Зарубина, последствия конфликтов ощущались и в начале 1920-х гг. [49, с. 65]. В числе репрессированных большевиками в этот период – подпоручики белой армии, караимы Э.М. Фуки, А.С. Хаджи, И.С. Хаджи, А.И. Бакал, И.Я. Бобович, поручик С.Ш. Кефели, штабс-капитан И.М. Гибор, чиновники военного времени Х.А. Шишман и Б.С. Баккал. Под «карающий меч революции» попадало и мирное население. Так, в 1920-1921 гг. были расстреляны: житель Симферополя А.Я. Хаджи (с формулировкой «за связь с белыми»), судебный следователь Б.С. Шишман, уроженец Екатеринодара Ф.С. Рофе, беженец Ю.Н. Бабаев, а также Э.В. Ага, Э.И. Туршу, Я.А. Мангупли, П.И. Аппак, Э.Б. Фуки и др. [35, с. 250, 252, 254, 260, 277, 286, 291, 316, 328, 345, 389, 443]. Значительная часть караимского населения, напуганная происходившим политическим и военным «беспределом», была вынуждена эмигрировать из Крыма. Из более чем 8 тыс. караимов, проживавших на полуострове в 1914 г., к 1921 г. осталось только 3564 [74, с. 72-76].

¹⁷ Следует сказать и о том, что зверства и расправы над населением творили не только большевики – по свидетельству очевидцев событий того времени, «однажды утром дети, идущие в школы и гимназии, увидели висящих на фонарях Симферополя страшных мертвецов с высунутыми языками <...> Выяснилось, что это генерал [А.П.] Кутепов распорядился таким образом терроризировать симферопольских большевиков» [77, с. 147]. Трагедией оборачивалось любое открытое проявление своего социального статуса и политических взглядов. «В Симферополе вырезали две улицы «буржуев» – писала русская поэтесса и писательница З.Н. Гиппиус. – В Ялте <...> столько убийств, утоплений с ядрами на ногах, что <...> теперь мертвецы одолевают города, всплывая в бухте в стоячем положении» [77, с. 152].

Политическая неразбериха, социальный и экономический кризис, территориальные потери России в ходе продолжавшейся войны, и, как следствие, вступление на полуостров войск интервентов привели к тому, что в мае 1918 г., после завершения оккупации Крыма германскими войсками¹⁸, неизбежно возникал вопрос о создании органа, в задачи которого входило бы управление захваченными территориями. Германские власти, стремясь обеспечить относительный порядок с целью достижения своих экономических, военных и геополитических целей, приступили к формированию марионеточного правительства. 25 июня 1918 г. была утверждена Декларация нового правительства, получившего название Крымского краевого. Его главой стал командир 1-го Мусульманского корпуса генерал-лейтенант С.(М.)А. Сулькевич. Одним из первых шагов правительства стало установление нового порядка взаимоотношений с муниципальными, земскими органами власти и учреждениями конфессионального самоуправления. Предполагались выборы в органы местного самоуправления (но на цензовой и куриальной основе); земские собрания всех уровней и городские думы объявлялись распущенными. Свои полномочия до проведения новых выборов сохраняли только Управы¹⁹. Ограничивалась свобода печати и собраний, вводилась цензура (помимо оккупационной). Все общества, союзы, комитеты и партийные организации Крыма обязаны были в месячный срок представить свои уставы на утверждение в МВД.

Что касается ТОКДП и его руководства, Крымское краевое правительство постановило: внести изменения и дополнения в устав гражданского судопроизводства, определив, что отныне «правом на допрос на месте жительства пользуются Премьер-Министр, и Министры Крымского Правительства, Главный начальник Крымской Армии, епископы христианских церквей, мусульманский муфтий и караимский Гахам» [151, л. 1; 152, с. 1; 153].

11 сентября 1918 г. правительство С.А. Сулькевича приняло постановление о гражданстве Крыма. Гражданином края, без национального и религиозного различия, мог стать любой, рожденный на крымской земле, если он своим трудом содержал себя и свою семью. Приобрести же гражданство мог только приписанный к сословиям и обществам, служащий в государственном или общественном учреждении, проживающий в Крыму не менее трех лет и, наконец, обладающий судебной и нравственной непорочностью. В этой ситуации статус караимов-беженцев, прибывших на полуостров из Трок, Виль-

¹⁸ Следует сказать, что отношение у местного населения к оккупации Крыма германскими войсками было крайне негативным. Например, Евпатория, многонациональный город, к тому же «политически разделенный гражданской войной, переживал вступление «басурманов» как страшное несчастье, касавшееся всех» [78, с. 207].

¹⁹ Например, Евпаторийская земская управа, в составе которой было немало караимов, была упразднена 6 мая 1919 г. [154; 155, л. 16].

но и других городов западных и южных губерний страны представлялся довольно неопределенным. По словам В.Г. Зарубина, в программе действий правительства не предусматривалось решение национального вопроса [50, с. 384].

Сложное положение, в котором пребывали караимские общины в связи с политической социальной и нестабильностью, вызвало к жизни новые учреждения. В это время одним из вновь сформированных на территории Крыма национально-конфессиональных органов караимов стал Караимский Национальный Совет. Идея о создании подобной организации была высказана еще на II Общенациональном караимском съезде. На одном из его заседаний была избрана комиссия делегатов в составе: Таврического и Одесского караимского гахама С.М. Шапшала (председатель), присяжного поверенного М.С. Луцкого, юриста С.М. Сарача, доктора М.М. Ефета, присяжных поверенных Ю.Ю. Тришкана, А.Я. Хаджи, помощников присяжного поверенного С.Б. Шишмана, Я.В. Ходжаша, М.А. Айваза, а также А.И. Эринчека, М.И. Аваха, А.М. Шакая и В.М. Шишмана. Кроме того, в состав комиссии входили и члены ТОКДП. В ее обязанности вменялась разработка всех проблем, обсуждавшихся на съезде, но не получивших на нем окончательного решения; кроме того, целью работы комиссии декларировалось также возбуждение ходатайства перед Временным правительством «о нуждах караимов». Участники съезда уполномочили делегатов от евпаторийских общин Ю.Ю. Тришкана и Я.В. Ходжаша, собиравшихся для поездки в Москву и Петроград, ходатайствовать от имени съезда перед Временным правительством «по караимскому вопросу» [135, с. 17].

Как уже было сказано, обсуждение ряда ключевых вопросов, включенных в повестку дня II Общенационального караимского съезда, делегатами было решено отложить до окончания Первой мировой войны – в связи с тем, что значительная часть мужского караимского населения была призвана в ряды действующей русской армии и не могла принять участие в обсуждении. Поэтому на созданную комиссию, совместно с гахамом и членами ТОКДП, возлагались обязанности по решению ряда вопросов, могущих возникнуть в период до созыва очередного съезда. Эта комиссия послужила прообразом Караимского Национального Совета – национально-конфессионального объединения, созданного в декабре 1917 г. при Таврическом и Одесском караимском гахаме.

Следует сказать, что на волне преобразований, последовавших после Февральской революции 1917 г. в Крыму появился ряд общественных организаций. Так, например, в Симферополе был учрежден «Общественный комитет», появившийся по инициативе Симферопольской городской управы и организованный ею как дополнение к цензовому составу самой управы. Основными задачами этой организации были: охрана правопорядка в городе, снабжение население продовольствием, просветительская и агитационная работа среди жителей города, разъяснение политического положение и «охрана завоеваний революции» [156, с. 235]. А 20 ноября 1917 г. в Симферополе состоялся

Губернский съезд представителей городских и земских самоуправлений, на который собрались делегаты от земств, городов, советов и профсоюзов. Съездом была принята следующая резолюция: «До выяснения воли населения Крыма крымским учредительным собранием, которое должно быть обязательно созвано в ближайшем будущем, и воли населения трех северных уездов – путем ли опроса или путем особого учредительного собрания, – в Таврической губернии учреждается орган управления губернией Таврический губернский совет народных представителей, как временный высший орган губернской власти, ответственный перед органом, его создавшим, и будущей центральной законной властью» [50, с. 219]. В состав СНП вошло 48 членов; помимо представительств городов, земств, советов, профсоюзов, фабзавкомов, Крымского революционного штаба, в Совет вошли и национальные представительства в лице татар и украинцев (по 3 чел.), великороссов (2 чел.), евреев и крымчаков (2 чел.), немцев (2 чел.), греков, армян, эстонцев (по 1 чел.)²⁰ [50, с. 219].

На съезде симферопольской караимской общины в декабре 1917 г. представителем в указанный комитет был делегирован присяжный поверенный А.Я. Хаджи²¹, однако правомочность его избрания была впоследствии оспорена на первом организационном совещании Караимского Национального Совета, которое состоялось 7 декабря 1917 г. в Евпатории. Делегатами от общин на основе пропорционального представительства были: от евпаторийской – доктор М.М. Ефет (заместитель председателя КНС, городской голова Евпатории в 1913-1917 гг.), С.М. Сарач, А.М. Шакай, Я.В. Ходжаш, Ю.Ю. Тришкан, С.М. Ходжаш (габбай Караимского национального фонда), И.М. Туршу, М.С. Луцкий; от симферопольской караимской общины – И.И. Синани, М.И. Шишман и присяжный поверенный А.И. Казас; от караимов Севастополя – доктор И.А. Терияки, И.И. Чубар, Е.Б. Койчу, А.Л. Троицкий. От ялтинской караимской общины на заседание КНС прибыл И.Б. Шишман; от армянской – И.Н. Синани; от чуфут-кальской – Б. Каракоз; от бахчисарайской – С.Я. Ялпачик; от бердянкой – И.И. Туршу и от мелитопольской – М.Я. Фиркович (занимавший должность заведующего караимской национальной библиотекой «Карай-Битиклиги»). Председательствовал на съезде Таврический и Одесский караимский гахам С.М. Шапшал; товарищами (заместителями) председателя были избраны М.М. Ефет и И.И. Чуюн, а секретарями – Я.В. Ходжаш и С.М. Сарач. Кроме того, на этом и последующих заседаниях также присутствовали: члены ТОКДП старшие газзаны А.И. Катык и Б.С. Ельяшевич, габ-

²⁰ По замечанию В.Г. Зарубина, А.Г. Зарубина и В.И. Королева, в своей дальнейшей деятельности СНП продемонстрировал полную беспомощность, ограничившись лишь разработкой избирательного закона в связи с так и не созданным крымским учредительным собранием, а также занимаясь малозначимыми финансовыми вопросами [157, с. 34-38; 50, с. 220].

²¹ Избрание А.Я. Хаджи в качестве представителя от караимов на съезд СНП в 1917 г. – факт, до сих пор не освещавшийся в литературе.

бай евпаторийской кенасы А.И. Эринчек, И.О. Туршу, С.Ю. Леви-Ялпачик [85, л. 16, 16 об., 22].

На заседаниях, которые состоялись 8 и 9 декабря 1917 г., делегатами обсуждались многочисленные вопросы, связанные с разработкой положений о КНС. Одним из основных пунктов, вынесенных в повестку дня на первом заседании, стало формирование общей программы действий Совета, его целей и задач. Вновь учреждаемый орган был уполномочен решать широкий круг проблем, связанных с жизнью караимских общин. В частности, одним из главных направлений его работы была объявлена защита караимских национальных интересов и решение текущих вопросов «национальной жизни». По замечанию делегата И.И. Чубара, после революции караимы как нация впервые выходили на арену политической жизни, и поэтому особенно актуальной становилась проблема создания караимского национального органа. Делегат А.И. Казас, в свою очередь, заявил, что «каждая национальность должна быть организована, чтобы иметь своего представителя в совете народных представителей, но не ставится никаких рамок для этой организации, поэтому каждая национальность может организовываться по собственному усмотрению», а делегат Я.В. Ходжаш справедливо отметил, что будущая караимская организация должна быть в постоянном контакте с делегатом от караимов в «Таврическом губернском совете народных представителей», поэтому выборы такого представителя были признаны большинством присутствовавших задачей общенационального значения [85, л. 22, 22 об.].

На заседании 9 декабря 1917 г. съезд делегатов от караимских общин постановил считать себя «Крымско-Караимским Центральным Советом», т.к. делегаты и члены самой комиссии признали, что название «Национальная комиссия» у вновь учреждаемого органа «неудобно звучит». Первоочередной целью, которая ставилась перед КНС, по определению М.М. Ефета, являлся созыв общенациональных съездов в Евпатории – «для разрешения всех вопросов, касающихся караимской нации». Была также сделана оговорка, что полномочия созыва съезда может взять на себя и духовное правление [85, л. 28]. Всем внекрымским караимским общинам (т.е. прежде всего общинам юго-западных губерний России) было предоставлено право делегировать в Совет своих выборных на основе пропорционального представительства. По решению делегатов учредительного съезда КНС, на всех его будущих собраниях, а также на заседаниях Исполнительного комитета (ИК) постоянным почетным председателем должен был быть гахам; кроме того, «Крымско-Караимский Центральный Совет» единогласно избрал председателем Совета И.И. Чубара, товарищем председателя М.М. Ефета, а секретарями – Я.В. Ходжаша и С.М. Сарача. После выборов руководства КНС состоялось обсуждение функций Исполнительного комитета этого органа. После прений делегаты вынесли свое решение: комитету, в состав которого должны будут входить, включая гахама, 13 членов (притом не только из числа непосредственных членов КНС), будут предоставлены самые широкие

полномочия; в случае возникновения «весьма важных вопросов» ИК должен будет передать их на рассмотрение КНС. Делегаты определили и регламент его работы: Совет должен созываться по решению комитета или караимского гахама; кроме того, по требованию 10 членов КНС комитет созывает Совет немедленно (с одной оговоркой – «по мере возможности», учитывая беспокойное время). Члены КНС также имели право принимать участие во всех заседаниях ИК, но с правом совещательного голоса [85, л. 26-28]. На заседании 11 декабря 1917 г. состоялись выборы в ИК КНС. Большинством голосов в состав комитета были избраны: И.А. Теряки (17 голосов «за»), Я.В. Ходшаш (17), М.С. Луцкий (16), Ю.Ю. Тришкан (16), М.М. Ефет (14), С.М. Сарач (14), И.И. Чубар (12), И.А. Прик (12), А.И. Пастак (12), С.С. Крым (10), И.В. Шишман (9), И.М. Туршу (9), А.Л. Троицкий (9). При этом кворум, при котором любое постановление ИК могло бы считаться законным, определили в 4 человека [85, л. 28 об.].

На первых заседаниях представителями от караимских общин обсуждались и многие сугубо организационные вопросы – как уже упоминалось выше, 7 декабря 1917 г. дискутировался вопрос о легитимности избрания делегата от симферопольской караимской общины А.Я. Хаджи в СНП. Делегаты вынесли свой вердикт: признать выборы, состоявшиеся на собрании симферопольской общины справедливыми – значит, создать нежелательный прецедент. «Съезд может и должен быть созван только там, где находятся центральные национальные учреждения, и где имеет [место] пребывание гахам, и таким местом является Евпатория», – заключили делегаты, и поэтому избрание А.Я. Хаджи признали несанкционированным. Было также принято решение отложить выборы представителя в СНП от караимов до проведения выборов Исполнительного комитета КНС и определения его функций и полномочий [85, л. 19 об., 26]. В дальнейшем от имени Совета с СНП контактировал заместитель председателя КНС Б.М. Ефет.

Как уже упоминалось выше, председательствовал в Совете караимский гахам (во время его отсутствия этот орган, как правило, возглавлял евпаторийский старший газзан). В 1917-1920 гг. в состав КНС входили многие известные и влиятельные караимы, такие, как: члены ТОКДП старшие газзаны Б.С. Ельяшевич и А.И. Катык, доктор М.М. Ефет, член правления евпаторийской караимской общины М.А. Айваз, уполномоченный от евпаторийской караимской общины Б.М. Ефет, присяжный поверенный А.Я. Хаджи, адвокат М.С. Кискачи, С.М. Ходжаш, А.И. Эринчек, а также М.И. Авах, А.М. Шакай, М.С. Луцкий, Я.В. Ходжаш, С.Б. Шишман, С.М. Сарач, Ю.Ю. Тришкан, А.И. Нейман, В.М. Шишман, И.Б. Шишман и др. Следует сказать и о том, что на заседания КНС (проходившие, как правило, в помещении АКДУ, а также на квартире гахама) часто приглашались представители от караимских общин (в основном, от евпаторийской). Среди них были: городской голова Евпатории С.Э. Дуван (занимал эту должность с 1906 по 1910 гг.), евпаторийс-

кий городской голова А.И. Нейман (в 1910-1913 гг.), Б.М. Сарач (евпаторийский городской голова в 1917-1919 гг.), председатель Совета выборных евпаторийской караимской общины С.А. Бобович, евпаторийский караимский купец, член попечительского совета Евпаторийского караимского ремесленного училища С.А. Когена (ЕКРУ) и его казначей Б.А. Бобович, член попечительского совета АКДУ купец И.И. Танагоз, один из учредителей «Общества вспомоществования учащимся в Евпатории недостаточным караимским ученикам и ученицам» И.Я. Кискачи, а также Я.Б. Гелелович, Б.М. и Ф.М. Гелеловичи, Ф.А. Мичри, А.И. Шайтан, С.И. Кумыш, М.Я. Мангуби, А.С. Кальфа, А.С. Луцкий, Б.И. Бабаджан, Я.Я. Кобецкий и др. [158, л. 19, 19 об.].

Одной из главных задач Караимского Национального Совета стало решение проблем, связанных с финансированием органов караимского конфессионального самоуправления, а также караимских национальных учреждений. Еще 2 сентября 1917 г. на заседании II Съезда делегатов от караимских общин было принято решение обратиться ко всем общинам с предложением покрыть перерасход по содержанию ТОКДП путем раскладки «ареха» (пропорционального денежного сбора с каждой караимской общины, употреблявшегося на содержание здания кенасы, на штат духовенства при ней, для финансирования работы мидрашей при кенасе, на оказание помощи бедным и пр.). Съездом было также определено, что на ежегодные нужды ТОКДП караимские общины будут отчислять недостающие средства в Караимский национальный фонд (созданный в 1911 г.), а сам фонд, для сохранности средств, должен быть превращен в имущество – в связи с резким падением курса российского рубля.

Как заявлялось в циркулярном письме, разосланном всем караимским общинам в 1918 г. от имени КНС, «ввиду обстоятельств переживаемого нами времени, <...> отпадением некоторых частей русской территории, перегруппировкой караимского населения <...> и ослаблением платежеспособности некоторых общин», а также «стремительного вздорожания всех отраслей жизни в связи с расстройством русского денежного обращения» было решено произвести некоторые изменения в размерах этого налога [158, л. 1]. В 1918 г. при КНС была создана специальная комиссия (в разное время в ее состав входили члены Совета М.А. Айваз, Я.В. Ходжаш, С.М. Ходжаш, М.М. Ефет, А.М. Шакай), которая подсчитала общую сумму недостающих средств и определила меры для выхода из создавшейся ситуации. К 1918 г. перерасход на содержание ТОКДП составлял 39 тыс. руб., а к 1 декабря 1919 г. – 91805 руб. (за 1916 г. – 4 тыс. руб., за 1917 г. – 12341 руб., в 1918 г. – 21330 руб. 56 коп., в 1919 г. – 54133 руб. 61 коп.) [158, л. 24]. С.М. Шапшал, как глава КНС, на протяжении нескольких лет, в особенно тяжелые годы гражданской войны отказывался от получения им жалованья гахама, целиком адресуя деньги на содержание ТОКДП, при этом даже отчисляя часть средств из своего личного состояния (так, например, в 1917 г. общий расход по ТОКДП составил 15543 руб.,

при том, что ассигновано было на его содержание всего 3 тыс. руб. – остальная сумма в 12 тыс. руб. была возмещена С.М. Шапшалом) [135, с. 22; 159, с. 19]. В 1918 г. объем средств, необходимых ТОКДП, увеличился почти вдвое – общая сумма составила 35659 руб., поэтому С.М. Шапшалу вновь пришлось покрывать недостающие суммы из собственных средств [160, с. 19, 20]. Всего к концу 1919 г. он потратил на возмещение дефицита бюджета 91805 руб. 17 коп.; при этом отметим, что часть этих денег была возвращена ему из сумм, собранных караимскими общинами (23115 руб.) [158, л. 24]. Комментируя создавшееся тяжелое материальное положение, гахам заметил: «Для своего содержания я лично от нации ничего не требую <...> и готов служить <...> и впредь безвозмездно точно также, как и до сего времени»; однако следует обратить внимание на то, что и его финансовые возможности были далеко не безграничны. Как заметил сам духовный глава караимов в декабре 1919 г., все, что у него имелось – это дом в Евпатории, в котором он проживал с семьей, а остальное было давно «распродано и съедено» [158, 23 об.; 85, л. 29 об.].

Разваливающаяся экономика страны предопределила стремительный рост инфляции. Так, если в 1917 г. расходная часть ТОКДП по 12 статьям бюджета (выплата жалованья сотрудникам, служебному персоналу, издание «Известий» Правления, расходы по содержанию национальной библиотеки «Карай-Битиклиги» и пр.) составляла 25341 руб. 19 коп. (при этом жалованье гахаму полагалось в размере 9 тыс. руб.), то уже в декабре 1919 г. эта сумма составила 232200 руб. (!) (на жалованье гахама – 120 тыс. руб.). Достаточно сказать о том, что 100 пудов дров (1638 кг) для отопления помещений ТОКДП, библиотеки «Карай-Битиклиги» обходились в 7 тыс. руб., и при этом С.М. Шапшал замечал, что на обогрев помещения канцелярии духовного правления и библиотеки требовалось не менее 500 пудов дров (что составляло на тот момент сумму в 35 тыс. руб.) [158, л.23 об.].

В 1918 г. на полуострове заметно ухудшилась продовольственная ситуация. В Крыму действовала хлебная монополия, предполагавшая отпуск хлеба из расчета $\frac{3}{4}$ фунта на человека в день²² [50, с. 448]. В марте 1919 г. второе Крымское краевое правительство под руководством караима С.С. Крыма приняло решение ограничить экспорт: с территории полуострова запрещалось вывозить, без согласования с властями, сырье, одежду, обувь и продовольствие, в том числе, и продукты повышенного спроса – хлеб во всех видах (зерно и муку), сахар, чай, масло, рыбу и пр. [50, с. 448]. Но цены и инфляция продолжали стремительно расти. Так, в апреле 1920 г. стоимость хлеба выросла на 480% (по отношению к январю того же года), и на 8283% – в октябре 1920 г.

²² Следует заметить, что в период существования Крымской Советской Социалистической республики ситуация с продовольствием не улучшилась: в апреле 1919 г. отпуск хлеба составлял $\frac{1}{2}$ фунта, 4 фунта крупы, $3\frac{3}{4}$ фунта картофеля на человека в сутки [50, с. 504, 505].

[37, с. 206]. Осенью 1 пуд муки стоил 4500 руб., а цена печеного пшеничного хлеба возросла с апреля по октябрь 1920 г. в 15 раз – так, если в апреле фунт хлеба стоил 35 руб., то осенью его цена выросла до 150 руб. [37, с. 207, 208].

Чтобы покрыть имевшийся финансовый перерасход и каким-то образом материально поддержать национальные учреждения и их сотрудников, КНС в 1918 г. рекомендовал общинам следующие суммы для выплаты: евпаторийской предлагалась собрать 390 тыс. руб. (получено в итоге 100 тыс. руб., израсходованных целиком на нужды караимских национальных учреждений); феодосийской – 286 тыс. руб. (поступило всего 7020 руб.²³); симферопольской – 104 тыс. руб. (получено, по разным сведениям, 25 или 50 тыс. руб.); севастопольской – 78 тыс. руб. (получено 39 тыс. руб.); бахчисарайской – 26 тыс. руб. (денежных средств не поступало); ялтинской – 13 тыс. руб. (получено 13 тыс. руб.) и карасубазарской – 13 тыс. руб. (получено 13 тыс. руб.) [158, л. 1, 2, 6, 26; 161, с. 29, 30; 162, с. 26].

По заявлению КНС, изменения в процентной выплате общинами «ареха» были вынужденной мерой; к тому же, практически вся сумма была распределена между караимами Крыма, что, как полагали члены Совета, «будет урегулировано в будущем, когда наступит правильная государственная жизнь с нормальным сношением между всеми городами», – утверждалось в циркуляре КНС караимским общинам в январе 1920 г. [85, л. 36]. Средства поступали также от полтавской, херсонской, мелитопольской, новороссийской и кременчугской караимских общин (в 1918 и 1919 гг. – 2340 руб.) [161, с. 29, 30; 162, с. 26]. Предполагалось, что часть собранной суммы пойдет на покрытие расходов ТОКДП за канцелярские принадлежности, отопление, освещение и пр. (83 тыс. руб.); часть – на непредвиденные расходы (50 тыс.). Остальные 915 тыс. КНС планировал направить на содержание самого правления [158, л. 2]. Однако уже к маю 1920 г. этих сумм уже было явно недостаточно, поэтому КНС принял решение об увеличении сметы содержания ТОКДП еще на 700 тыс. руб. [158, л. 26]. Всего в 1920 г. на содержание ТОКДП и национальных учреждений потребовалась сумма в 1 млн. 324 тыс. 310 руб. [85, л. 31].

Необходимо сказать, что в этой сложной ситуации существенную материальную поддержку органам конфессионального самоуправления и национальным учреждениям оказывали предприниматели и активисты местных караимских общин. Так, 10 тыс. руб. поступило от одного из членов карасубазарской общины И.Б. Шишмана; он же передал «на национальные нужды» еще 10 тыс. руб. Евпаторийский меценат М.Г. Гелелович пожертвовал

²³ Габбай феодосийской караимской общины Б.М. Таймаз сообщал, что, в связи с тем, что не представляется возможным устроить общее собрание членов общины «за отсутствием многих плательщиков из города», поэтому и распоряжение КНС об увеличении «ареха» выполнено быть не может [158, л. 26].

100 тыс. руб. (60 тыс. руб. предназначалось для выплаты пособия служащим ТОКДП, и 40 тыс. руб. – наиболее нуждавшимся караимским священнослужителям). Через М.М. Ефета от членов евпаторийской караимской общины поступило 33 тыс. руб. Глава КНС С.М. Шапшал, переадресовавший свое жалование гахама на «чедака» (традиционное ежедневное пожертвование в пользу кенас, малоимущих и пр.) и неоднократно снабжавший коллег деньгами, в 1920 г. выделил для выдачи служащим ТОКДП, евпаторийской кенасы и мидраша в качестве пособия 60 тыс. руб. [158, л. 26].

Некоторые караимские общины (в частности, харьковская) выступили с почином возместить нехватку требовавшихся средств [163, с. 16-18]. В письме от 23 мая 1918 г., адресованном ТОКДП, габбай харьковской общины И.М. Илик сообщал, что «необходимо общими усилиями всех караимских общин обеспечить <...> текущее состояние всех тех общенациональных наших установлений, <...> покрыть все те недоимки, которые накопились за время войны и составляют в настоящее время долг караимского народа» [158, л. 10 об., 15]. Всего харьковская община передала на нужды караимских национальных учреждений 8225 руб., собранных ее представителями. Пожертвования продолжали поступать, и общая сумма к июлю 1918 г. составила 11504 руб. (наиболее крупные взносы сделали известные караимские предприниматели, братья М.М., А.М. и Г.М. Кальфа, габбай И.М. Илик, дочь известного караимского просветителя И.И. Казаса А.И. Кальфа, его сын Э.И. Казас и др.) [164, с. 21, 22]. К 1 декабря 1919 г. караимскими общинами было собрано 23115 руб. на покрытие перерасходов по обеспечению ТОКДП [158, л. 21; 165, л. 1-12].

Помимо увеличения раскладочного сбора с каждой общины и меценатской помощи купцов и предпринимателей, Караимский Национальный Совет предпринимал и другие меры, направленные на улучшение материального положения национальных учреждений. На заседании КНС, состоявшемся 9 марта 1919 г., присутствовавшими было заслушано заявление члена Совета С.М. Сарача, выступившего с инициативой открытия «Караимского акционерного коммерческого банка». По его плану, предполагавшаяся чистая прибыль от банковских операций в размере 25% должна была бы отчисляться на национальные нужды, а остальные 75% – распределяться между акционерами банка. Залог процветания предпринимаемого дела С.М. Сарач видел в добросовестном ведении финансовых операций, хорошей репутации банка и помещении на его счета общенациональных капиталов на особо льготных условиях [158, л. 13].

На заседании КНС 9 марта 1919 г. была сформирована комиссия, в состав которой вошли С.М. Сарач, Ю.Ю. Тришкан, Д.Н. Кокизов, С.Б. Шишман, А.И. Нейман, И.Б. Шишман. В обязанности комиссии вменялось рассмотрение всех вопросов, связанных с открытием банка (таких, как выработка его примерного устава с последующим представлением его на обсуждение национального съезда); затем дополнительно была образована комиссия, со-

стоявшая из М.С. Луцкого и А.И. Катыка – для составления обращения к общинам по поводу приглашения делегатов от имени КНС на предстоящий съезд [158, л. 12, 12 об.]. Однако дальнейшая девальвация российского рубля и крах государственной экономики не позволили осуществиться этому начинанию Национального Совета: по замечанию караимского гахама, за короткий промежуток времени «рубль превратился если не в полкопейку, то, по крайней мере, в копейку», и с идеей о «Караимском акционерном коммерческом банке» пришлось расстаться [158, л. 24].

Частая смена власти на полуострове, межэтнические конфликты, вооруженное противостояние противоборствующих групп и партий, предельно кризисная экономическая ситуация привели к тому, что органы караимского конфессионального самоуправления стали фактически единственной точкой опоры для караимского населения Крыма²⁴. Духовному правлению, совместно с Караимским Национальным Советом приходилось решать различные проблемы национального значения [140, с. 2]. Еще в 1917 г. С.М. Шапшал, выступая перед прихожанами, заметил, что, несмотря на важность и необходимость перемен в традиционном укладе жизни караимского общества необходимо действовать осмотрительно и старательно избегать того, что может поколебать основы караимской религии, которая, подчеркнул гахам, должна оставаться неизменной при каком бы то ни было государственном строе [167, с. 33]. С.М. Шапшал призвал единоверцев в это неспокойное время сплотиться вокруг караимского духовного правления, вокруг караимской религии. А члены КНС, в свою очередь, акцентировали внимание караимов на той роли, которую играл при ТОКДП караимский гахам, являвшийся, по сути, объединяющим началом для всех караимов России [158, л. 5].

Отметим, что члены ТОКДП во главе с С.М. Шапшалом в этот непростой период в жизни страны стремились всячески поддерживать единоверцев, неоднократно посещая караимские общины городов Юга России – Одессы, Николаева, Харькова, Екатеринослава, а также Крыма, разъясняя караимскому населению сложившуюся в стране ситуацию, призывая воспитывать подрастающее поколение в духе любви к религии, к национальной истории, караимской культуре и языку, старались пробуждать в караимах высокие идеалы духовности и человеколюбия. Но фактически ежедневно осложнявшаяся политическая и экономическая ситуация делали невозможной работу КНС. Еще в мае 1917 г. на страницах официального печатного органа правления – «Известий ТОКДП» – было напечатано обращение С.М. Шапшала к единоверцам, в котором сообщалось, что он, далее не имея возможности оставаться

²⁴ В своих решениях ТОКДП опиралось, в основном, на мнение членов по-прежнему влиятельной евпаторийской караимской общины, большая часть выборных которой входила в состав Караимского Национального Совета [166, л. 1-21].

в должности гахама, призвал караимов подготовиться к выборам нового духовного главы [138, с. 4]. Однако, как уже говорилось выше, накануне совещания караимского духовенства (проходившего с 16 по 21 июля 1917 г.) его участники обратились к гахаму с просьбой не покидать свой пост. На заседании КНС 16 мая 1918 г. С.М. Шапшал вновь озвучил свое решение сложить с себя полномочия гахама, сделав при этом следующее заявление: «Господа, я хорошо понимаю, что уход мой в настоящий момент, быть может, поставит народ в тяжелое положение <...> я ухожу, ибо не хочу быть свидетелем ликвидации национальных учреждений и святынь. Да, господа, мы накануне гибели того, что в течение долгих лет создавалось нашими предками. <...> я был на заседании Совета Когеновского Ремесленного Училища. И что же? Оказывается, что училище дышит на ладан²⁵; нет средств для дальнейшего существования. То же наблюдается и в Александровском Духовном Училище. <...> Был я недавно в национальной колыбели нашей [Чуфут-] Кале и опять меня поразила картина разрушения и нужды; все валится, все гибнет, нужны большие деньги для поддержания святыни – а денег нет» [158, л. 4, 4 об.; 168, л. 1-5]. Тем не менее, гахам согласился оставаться на своем посту еще как минимум полгода (до ноября 1918 г.), согласившись с доводами членов КНС о том, что, в связи со сложившейся в стране политической и экономической ситуацией, будет чрезвычайно сложно найти кандидатуру, которая могла бы занять столь ответственную должность [158, л. 5, 5 об.]. Поэтому созыв очередного общенационального съезда для обсуждения вопросов, связанных с пере выборами гахама, был запланирован КНС на 1 октября 1918 г. [158, л. 8].

Отметим, что попытки созвать внеочередной общенациональный караимский съезд предпринимались КНС неоднократно. Например, на заседании Совета 5 сентября 1918 г. было принято решение о том, что, «несмотря на могущие встретиться затруднения», съезд было решено созвать 1 октября 1918 г. – всем караимским общинам Крыма были разосланы циркулярные письма, в которых указывалось, что они должны командировать на предстоящий съезд своих делегатов [158, л. 8]. Однако в эти сроки съезд не состоялся. На заседании 15 августа 1919 г. данный вопрос был вновь поднят в связи с тем, что «все национальные учреждения находятся в критическом положении». Члены Совета постановили: созвать «телеграфно и письменно» представителей от всех общин на съезд, намеченный в этот раз на 15 сентября 1919 г. В повестке дня были запланированы такие темы, как: 1) вопрос об установлении сметы и изыскании средств к содержанию ТОКДП; 2) об изыска-

²⁵ Несмотря на принимавшиеся КНС и караимской общественностью меры, Евпаторийское караимское ремесленное С.А. Когена все же было закрыто из-за недостатка средств весной 1919 г., причем в немалой степени из-за того, что все процентные бумаги, принадлежавшие училищу, были аннулированы с провозглашением в апреле 1919 г. Крымской Советской Социалистической Республики и в соответствии с декретами ее правительства.

нии средств к содержанию АКДУ; 3) о пожертвовании караимским купцом И.Д. Пигитом по завещанию средств на постройку караимского трудового поселка «Имдат-Пигит»; 4) об учреждении Караимского национального банка; 5) об изменении воли завещателя Шакая; 6) вопросы, «не получившие разрешения на предыдущем съезде и могущие возникнуть на [созываемом] съезде» [158, л. 20].

Однако уже на заседании КНС 13 сентября 1919 г. (на нем председательствовал, в связи с временным отсутствием С.М. Шапшала, и.о. гахама старший газзан Б.С. Ельяшевич) члены Совета постановили: «отложить созыв общенационального съезда до более спокойного времени», а в намеченные сроки провести расширенное заседание КНС для обсуждения создавшегося финансового положения, пригласив членов Совета выборных от караимской общины Евпатории [85, л. 7]. Остальные караимские общины уполномочили выступать от своего имени видных деятелей караимской общественности. Так, бахчисарайскую караимскую общину на заседании представлял С.И. Бабаджан (юрист, преподаватель истории в АКДУ); феодосийская община просила быть выразителями ее интересов городского голову Евпатории Б.М. Сарача и члена КНС М.А. Айваза; симферопольская – И.Н. Фуки и М.И. Султанского; севастопольская – М.М. Аваха, Ф.А. Мичри и Исаковича; бердянская – М.М. Ефета; и бахчисарайская – Я.Б. Гелеловича [85, л. 8-10, 12, 15].

Расширенное заседание Караимского Национального Совета под председательством С.М. Шапшала состоялось 15 сентября 1919 г. Помимо членов КНС, на нем присутствовали: С.Э. Дуван, А.И. Нейман, С.А. Бобович, Б.А. Бобович, И.И. Бобович, И.И. Танагоз, И.Я. Кискачи, Я.Б. Гелелович, Б.И. Гелелович, Б.М. и Ф.М. Гелеловичи, Ф.А. Мичри, А.И. Шайтан, С.И. Кумыш, Б.М. Сарач, М.М. Сарач, М.Я. Мангуби, Я.Б. Мангуби, А.С. Кальфа, А.С. Луцкий, Б.И. Бабаджан, Б.И. Катлама, А.И. Катлама, И.И. Катлама и Б.Ш. Бабаджан [158, л. 19, 19 об.]. В числе лиц, делегированных для участия в заседании, был также заявлен представитель от караимов западных губерний Я.Я. Кобецкий²⁶, ранее принимавший участие в совещании духовенства и членов караимских общин в июле 1917 г., однако, судя по его протоколам, он не смог прибыть на заседание. Присутствовавшими делегатами были обсуждены вопросы, ранее вынесенные КНС на повестку дня. Так, в своем докладе караимский гахам обрисовал ситуацию с национальными учреждениями, и, в частности, с ТОКДП, АКДУ и «священной колыбелью караимства» Чуфут-Кале. Что касается последнего, то С.М. Шапшалом были приведены неутешительные факты того положения, в котором оказался город: гахам сообщал, что

²⁶ По сведениям, приведенным в публикациях А.И. Серкова и Н.И. Берберовой, Яков Яковлевич Кобецкий (1883-1946) после эмиграции за границу входил в состав т.н. русской литературной масонской ложи «Северная Звезда», был корреспондентом эмигрантской газеты «Новое русское слово», редактором биржевого отдела «Последних новостей» в Париже [170; 171, с. 76, 142].

в оставленном без должного присмотра Чуфут-Кале «имущество расхищается, стены разваливаются, кладбище разоряется, раскрадываются памятники старины, вырубаются вековые деревья, донныне нетронутой Иософатовой долины». «Во имя чести и достоинства караимов» С.М. Шапшал вновь призвал единоверцев изыскать средства к поддержанию всех национальных учреждений [85, л. 29 об.].

Пристальное внимание уделялось членами КНС благотворительной деятельности, оказанию помощи малоимущим слоям караимского населения. Еще на II Общенациональном караимском съезде гахам С.М. Шапшал ознакомил делегатов «с ужасающей картиной нужды <...> караимских бедняков»: по сведениям, представленным ТОКДП, только в Евпатории числилось 258 нуждавшихся семейств (с учетом караимов-беженцев из западных губерний России) [169, с. 39]. По самым скромным подсчетам, на оказание им помощи требовалось от 80 до 100 тыс. руб. В связи с тяжелой ситуацией было принято решение обратиться ко всем караимам с воззванием о содействии евпаторийской караимской бедноте. На этот благородный призыв откликнулись многие сочувствующие: например, непосредственно на самом съезде его делегатами было собрано 700 руб.; затем пожертвования поступали от разных общин и отдельных лиц [135, с. 19]. В 1917 г. С.М. Шапшал в память о своей матери Акбике Шапшал организовал в Евпатории на собственные средства караимскую богадельню в Евпатории, названную «Ярдым» и предназначенную для призрения пожилых караимок (для этой цели гахам приобрел на свои средства в октябре 1917 г. два небольших смежных дома и участок земли близ кенас); евпаторийская караимка В.М. Шишман по личной инициативе учредила благотворительное общество в помощь богадельне «Ярдым», и стала ее почетной попечительницей [169, с. 40, 41; 172, л. 1-14]. В 1918 г. в пользу богадельни от разных лиц поступило средств на сумму 12229 руб., а в 1919 г. – 2882 руб. [173, с. 28, 29; 173, с. 28].

На заседании КНС 18 ноября 1919 г., проходившем на квартире гахама С.М. Шапшала, от имени Совета выборных евпаторийской караимской общины выступил его председатель С.А. Бобович. В частности, в его заявлении речь шла о том, что представители малообеспеченной части караимского населения испытывали крайнюю нужду, в особенности, в одежде и обуви. С.А. Бобович обратился с ходатайством к Национальному Совету о том, чтобы с помощью увеличения размера раскладочного сбора «ареха» собрать с караимских общин дополнительно сумму в 150 тыс. руб. – с целью приобретения «хотя бы для учащих в караимских школах детей обуви и некоторых предметов одежды» [158, л. 21]. С.А. Бобович также просил гахама, ввиду его «большого морального влияния в народе караимском», обратиться к членам евпаторийской караимской общины для оказания помощи малоимущим слоям населения.

Вскоре эта просьба была выполнена гахамом. В ноябре 1920 г. С.М. Шапшал ознакомил членов евпаторийской караимской общины (на заседании при-

существовало 267 человек) «с вопиющей нуждой учащихя караимских училищ». По его словам, ученики и ученицы мидрашей и АҚДУ приходили на занятия без обуви, в легких или испорченных, рваных одеждах. После обсуждения создавшейся ситуации члены общества определили, что для оказания помощи необходимо было собрать указанную С.А. Бобовичем сумму [155, л. 144, 144 об.]. Был также объявлен сбор пожертвований в пользу караимских учебных заведений, поднят вопрос о проведении благотворительных лотерей и т.д. Значительные суммы на поддержание АҚДУ были направлены членами одесской, екатеринославской, николаевской, херсонской, новороссийской, тульской, севастопольской и других караимских общин – всего за 1917 и 1918 гг. в адрес училища поступило более 50 тыс. руб. [175, с. 47-49; 176, с. 22; 177, с. 22; 178, с. 21, 22; 179, с. 28; 180, с. 28; 181, с. 28; 182, л. 1]. Жертвовали крупные суммы и отдельные представители караимских общин – так, Ирина Шапшал передала на нужды учащихя в ноябре 1920 г. 5 тыс. руб. [155, л. 144]. Некоторые евпаторийские педагоги, узнав о тяжелом финансовом положении АҚДУ, пошли навстречу его руководству и приняли на себя обязанности преподавателей в училище на безвозмездной основе [183, л. 90 об.; 184, с. 32; 185, с. 574].

Масштабы экономической катастрофы были настолько необратимы, что она не могла не отразиться на всех сторонах жизни послереволюционной России. Факты, приведенные в воспоминаниях очевидцев, а также в архивных документах свидетельствуют о крайне бедственном положении, в котором находилась большая часть населения Крымского полуострова. В своих мемуарах Главнокомандующий Вооруженными силами Юга России (ВСЮР) и Правитель Юга России (назначенный на этот пост 4 апреля 1920 г.) барон П.Н. Врангель писал: «В городах южного побережья Севастополе, Ялте, Феодосии и Керчи, благодаря трудному подвозу с севера, хлеба уже не хватало. Цены на хлеб непрерывно росли. <...> Не было угля, и не только флот, но и железнодорожный транспорт были под угрозой <...> Не хватало, чая, сахара. Беспорядочные самовольные реквизиции войск еще более увеличивали хозяйственную разруху и чрезвычайно озлобляли население» [186, с. 177, 187]. Несмотря на усилия правительства П.Н. Врангеля, которое возглавлял министр А.В. Кривошеин, постановивший выдавать «кормовое довольствие» и «семейные прибавки» служащим государственных учебных заведений, по словам современников описываемых событий, этих средств явно не хватало. «На наши кормовые, – писал один из респондентов в письме к родственникам, – можно прокормить разве что цыпленка, а не человека» [37, с. 298, 303]. Голод и нищета коснулись и сотрудников караимских национальных учреждений – на заседании КНС 1 декабря 1919 г. С.М. Шапшал сообщил присутствовавшим о том, что один из служащих ТОҚДП был даже вынужден продать свою верхнюю одежду и одежду своей жены для того, чтобы прокормить детей. «Это – с горечью заявил гахам, – недопустимый позор для нации». Несколько

позже, на заседании КНС 15 декабря того же года С.М. Шапшал выступил с обращением к присутствующим, в котором, в частности, заявил: «Служащие Духовного Правления в течение всего 1919 г. испытали на себе всю тяготу <...> дороговизны, росшей и продолжающей расти с головокружительной быстротой, некоторые из них вынуждены были распродавать женины ценности, входить в долги, чтобы влачить жалкое, полуголодное существование» [85, л. 29].

Находя такое положение не только критическим, но и, в связи с отсутствием денежных средств, безвыходным, Караимский Национальный Совет постановил: вновь созвать делегатов караимских общин («с которыми представится возможность снестись при настоящих условиях путей сообщения») на экстренное заседание КНС 15 декабря 1919 г. В повестке дня заседания было всего несколько пунктов: обсуждение положения караимских национальных учреждений, таких, как: ТОКДП, АКДУ, библиотеки «Карай-Битиклиги» и караимской национальной святыни Чуфут-Кале. Кроме того, было запланировано обсуждение вопроса об отъезде гахама в связи с его заявлением о том, что он не сможет далее содержать духовное правление из собственных средств, и будет вынужден для «своего пропитания, в качестве частного лица, выехать за границу», т.к. занимаемая С.М. Шапшалам должность не позволяла ему поступить на частную службу в России, где, как он сам заявлял, «меня все знают». Однако при этом гахам подчеркнул, что постарается не терять связи с национальными учреждениями и, «в возможной мере», продолжать руководить ими [158, л. 21; 85, л. 29 об.].

По итогам состоявшегося в декабре 1919 г. открытого заседания КНС с участием делегатов от караимских общин было принято несколько важных решений. Во-первых, комиссия в составе М.М. Ефета и М.А. Айваза произвела перерасчет сбора «ареха», и недостающие суммы на содержание караимских национальных учреждений вновь предлагалось возместить общинам (следует сказать, что из затребованных 910 тыс. руб. было получено только 197 тыс. руб.). Для поддержания нормальной работы всех учреждений, по заключению комиссии, требовалось: караимскому гахаму жалованья в размере 300 тыс. руб.; ему же на представительство – 60 тыс. руб. (затем эти суммы были сокращены – до 120 тыс. руб. и до 25 тыс. руб., соответственно); первому члену ТОКДП старшему газану Б.С. Ельяшевичу основного жалования – 48 тыс. руб. (сумма сокращена до 24 тыс. руб.; в мае 1920 г. ему было выделено 12 тыс. руб.); второму члену правления А.И. Катыку – 24 тыс. руб. (сокращено до 12 тыс. руб.; в мае 1920 г. выделено 6 тыс. руб.); делопроизводителю (он же библиотекарь «Карай-Битиклиги») С.С. Ельяшевичу – 48 тыс. руб. (сумма сокращена до 24 тыс. руб.; в мае 1920 г. решено выделить 20 тыс. руб.; тогда же, «ввиду чрезвычайной дороговизны» и по его собственной просьбе, С.С. Ельяшевичу постановили также выдать единовременное пособие в размере 20 тыс. руб.); и курьеру при правлении – 18 тыс. руб. (затем – 7200 руб.; в итоге

было выдано 3 тыс. руб.) [85, л. 30]. Кроме того, на обеспечение ТОКДП дровами в зимний период времени требовалось 15 тыс. руб.; на канцелярские расходы и принадлежности, а также расходы по библиотеке – еще 20 тыс. руб. Однако, рассмотрев представленную смету, С.М. Шапшал заметил, что суммы на эту часть бюджета явно занижены – по его подсчетам, данные статьи расходов требовали увеличения по меньшей мере в 2-2,5 раза. По его словам, одна писчая бумага, которой требовалось для канцелярии ТОКДП не менее пяти стоп, стоила от 10 до 12 тыс. руб., да и ту невозможно уже было найти на рынках – дело доходило даже до того, что газзаны ввиду отсутствия бумаги не могли выписывать свидетельства о рождении [158, л. 23, 23 об.].

Во-вторых, на совещании обсуждался вопрос о состоянии караимских учебных заведений. После непродолжительной дискуссии участники заседания пришли к выводу, что для поддержания нормальной работы АКДУ потребуется не менее 482 тыс. руб.; что касается Евпаторийского караимского ремесленного училища С.А. Когена, то, по мнению Совета, вновь открыть училище в настоящее время не представлялось возможным. Также были приняты решения о выдаче единовременных субсидий особо нуждавшимся караимам. Ввиду тяжелого материального положения члены КНС постановили: выделить 24 тыс. руб. известному караимскому педагогу Ш.М. Тиро, несколько десятков лет преподававшему в караимских школах и училищах, и 10 тыс. руб. – журналисту О.И. Пилецкому, состоявшему при ТОКДП делопроизводителем [85, л. 30 об.].

Делегатами открытого заседания КНС было также решено «немедленно вернуть» 21290 руб. 17 коп., которые из своих личных средств истратил на содержание ТОКДП караимский гахам. На устройство и проведение совещания членов ТОКДП и представителей от караимских общин было израсходовано 1735 руб., поэтому на заседании КНС 2 января 1920 г. его члены постановили: просить габбая Караимского Национального Фонда С.И. Ходжаша оплатить указанную сумму [158, л. 25, 26].

Одним из ключевых решений расширенного совещания стало то, что, в связи с оставлением своего поста главы КНС С.М. Шапшала и отъездом его за границу обязанности Таврического и Одесского караимского гахама были возложены на старшего газзана Б.С. Ельяшевича (которые он исполнял вплоть до 1925 г.), а товарищем (заместителем) председателя Совета был избран доктор М.М. Ефет.

Кстати, следует отметить, что в своей автобиографии, а затем и в ее многочисленных переизданиях С.М. Шапшал упоминал о том, что «в марте 1919 г., находясь в Крыму и преследуемый денкикинцами за свое открытое сочувствие советскому строю, он был вынужден во избежание ареста выехать на Кавказ, а оттуда в Турцию» [187, с. 252-253; 188, с. 119-131; 189]. Но, судя по архивным документам, С.М. Шапшал находился в Крыму и продолжал выполнять свои непосредственные обязанности вплоть до начала 1920 г., участвуя

в заседаниях КНС (по всей видимости, тогда же, в 1919 г. С.М. Шапшал женился на Вере Эгиз, гражданской супруге С.С. Крыма). Вероятнее всего, С.М. Шапшал покинул Крым лишь в январе 1920 г., отправившись сначала на Кавказ, а затем – в Турцию, в Стамбул, где устроился переводчиком в одном из банков.

Продолжая анализ деятельности Караимского Национального Совета, следует сказать о том, что особенно заметно он проявил себя в вопросах сохранения имущества и зданий караимских учебных заведений в то неспокойное время, когда власть в Евпатории переходила из рук в руки. Так, в 1918 г., когда городскими властями был поднят вопрос о закрытии Евпаторийского караимского ремесленного училища С.А. Когена и передаче его имущества и помещений мастерских местным властям, КНС занял твердую позицию и выступал категорически против данного шага [155, л. 59, 71 об., 74, 74 об., 82]. Ситуация с училищем обострилась, когда в Крыму, начиная с марта 1918 г., происходила перманентная смена власти (при этом следует подчеркнуть, что положение караимских учебных заведений от этого нисколько не улучшалось). В июне 1919 г. на собрании попечительского совета ЕКРУ (в состав которого входило несколько членов КНС – Б.С. Ельяшевич, С.С. Ельяшевич, Б.М. Ефет, С.И. Гелелович) было решено направить в Симферополь заместителя его председателя, уполномоченного от караимской общины Евпатории Б.М. Ефета для защиты интересов училища. «Ни о каких реквизициях и занятиях под что-либо национальных [караимских] учреждений не может идти и речи», – заявлялось в резолюции, принятой попечительским советом ЕКРУ. Далее в документе говорилось о необходимости создания в Симферополе коллективного учреждения по культурно-национальным делам, с которым бы у караимов был бы тесный контакт [155, л. 50].

Лидеры КНС активно отстаивали свои позиции. Так, например, когда в мае 1919 г. представители ВРК в Евпатории предписали руководителям училища в течение 24 часов сдать мастерские, отданные в распоряжение местной электростанции, то в ответ на это члены КНС заявили, что училище со всем имуществом и помещениями, в соответствии с Конституцией РСФСР и декларацией рабоче-крестьянского правительства Крыма, является караимским национальным учреждением, предназначенным исключительно для учебно-технических целей [155, л. 65, 66]. Тем не менее, с приходом в Крым Добровольческой армии Юга России мастерские ЕКРУ в ноябре 1919 г. все же были реквизированы представителем ее командования для нужд начальных авиационно-летных курсов. 20 ноября 1919 г. С.М. Шапшалу было отправлено письмо, подписанное военным летчиком полковником Л.А. Дацкевичем. В письме, в частности, говорилось о необходимости скорейшей передачи мастерских: «Фронт нуждается в подготовленных мотористах, и я, по долгу службы, должен принять все меры к скорейшему выполнению нужд фронта» [155, л. 96, 96 об.]. В связи с этим была создана специальная

комиссия, состоявшая членов попечительского совета ЕКРУ (Б.С. Ельяшевича, С.С. Ельяшевича, Д.М. Эля), а также зампреда КНС М.М. Ефета и председателя совета выборных от караимской общины Евпатории М.С. Кискачи. Комиссия предприняла все возможные шаги к сохранению за училищем его мастерских, но в итоге ничего не добилась – в апреле 1920 г. они были переданы представителям Добровольческой армии, правда, «с гарантией возврата и пополнением недостатков» [155, л. 120, 121, 123-125].

Таким образом, можно сказать о том, что деятельность Караимской национально-демократической партии культурного самоопределения, общенациональных съездов и совещаний делегатов от караимских общин и духовенства, а также Караимского Национального Совета, хоть и существовавших всего несколько лет (с 1917 по 1920 г.), тем не менее, в немалой степени способствовала консолидации караимов в этот непростой период российской истории, когда были утеряны политические ориентиры, уничтожен государственный строй, разрушена экономика, а на территории самого полуострова царил военная и политическая неразбериха. Одной из стратегических задач, стоявших перед караимскими национально-культурными, общественно-политическими объединениями и организациями, являлось сохранение институтов караимского конфессионального самоуправления и осуществление руководства караимскими общинами. КНС и другие караимские учреждения предпринимали эффективные шаги к поддержанию нормальной работы ТОКДП и его служащих, в тяжелой ситуации изыскивая источники к финансированию правления.

На общенациональных караимских съездах, а затем на заседаниях КНС обсуждались различные вопросы, связанные с деятельностью национальной караимской библиотеки «Карай-Битиклиги»; решались проблемы сохранения историко-культурного наследия караимов и памятников старины, в частности, национальной святыни караимов Чуфут-Кале. Для оперативного информирования населения о происходящих событиях и деятельности духовного правления, а также караимских объединений и организаций издавался печатный орган – журнал «Известия ТОКДП», в котором помещались разнообразные материалы об истории, культуре и религии караимов, а также печатались хроникальные репортажи.

Благодаря самоотверженным действиям членов ТОКДП, КНС а также их единомышленников, стремившихся сохранить национальную культуру в Крыму продолжали действовать учебные заведения для караимской молодежи. Это касается, прежде всего, Александровского караимского духовного училища, для материальной поддержки которого использовались все имеющиеся в распоряжении караимских общин материальные средства. Благодаря тесным контактам с населением и разъяснительной работе, в адрес караимских школ и училищ поступали столь необходимые им деньги, одежда, обувь и предметы обихода; некоторые представители караимской общины Евпатории работали в АКДУ на безвозмездной основе.

Вообще, благотворительность являлась одним из важных компонентов в деятельности ТОКДП и КНС – например, членами Совета был предпринят ряд инициатив, направленных на поддержание малоимущих слоев населения, караимов-беженцев и лиц, пострадавших во время военных действий. Председатель КНС Таврический и Одесский караимский гахам С.М. Шапшал на свои собственные средства организовал в Евпатории приют для пожилых караимок; через Совет представители караимских общин регулярно адресовали материальные и денежные средства в адрес нуждавшихся.

Однако при всех вышеперечисленных положительных моментах деятельности караимских общественных и национально-культурных объединений необходимо отметить, что они не обладали возможностью реального воздействия на власть. Так, предпринимаемые ТОКДП и КНС инициативы не всегда достигали цели, наталкиваясь на противодействие, или же, напротив, на полное бездействие местных органов власти, игнорировавших мнение представителей караимской общественности. После окончательного установления советской власти в Крыму работа ТОКДП, КНС и других организаций караимов фактически была приостановлена. В соответствии с декретом СНК РСФСР от 5 (23) января 1918 года «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» органы конфессионального самоуправления караимов и Караимский Национальный Совет были упразднены, а их имущество – национализировано. Большая часть караимских учебных заведений была ликвидирована, а оставшиеся школы и училища – репрофилированы; большая часть их имущества была конфискована, а здания – отданы новым хозяевам. Впоследствии эта же судьба постигла здания караимских кенас. За исполнением декретов советской власти на местах следили созданные для этой цели соответствующие административные органы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ

1. Анишев А.Н. Очерк истории Гражданской войны 1917-1920 гг. Л., 1925.
2. Бунегин М. Ф. Революция и гражданская война в Крыму (1917-1920 гг.). Симферополь, 1927.
3. Платонов А.П. Февраль и Октябрь в Черноморском флоте. Симферополь, 1932.
4. Бочагов А.К. Милли-Фирка – национальная контрреволюция в Крыму. Очерк. Симферополь, 1930.
5. Бояджиев Т. Крымскотатарская молодежь в революции. Краткий очерк из истории националистического-буржуазного и коммунистического движения среди татарской молодежи Крыма. Симферополь, 1930.
6. Зайцов А. 1918 год: Очерки по истории русской Гражданской войны. Б.м., 1934.
7. Вольфсон Б. Изгнание германских оккупантов из Крыма. Симферополь, 1939.
8. Елагин В. Националистические иллюзии крымских татар в революционные годы // Забвению не подлежит (Из истории крымскотатарской государственности Крыма). Казань, 1992.
9. Чебанова А.В. Историографический обзор литературы по истории Крыма 1920-х годов // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 1999. № 6 (продолжение).

10. Надинский П.П. Борьба Крымской парторганизации за восстановление народного хозяйства (1921-1925гг.) // Борьба большевиков за упрочнение советской власти, восстановление и развитие народного хозяйства Крыма. Симферополь, 1958.
11. Надинский П.Н. Очерки по истории Крыма. Симферополь, 1951. Ч. 1; 1957. Ч. 2.
12. Хазанов Г.И. Советская Социалистическая Республика Тавриды // Борьба большевиков за власть Советов в Крыму. Симферополь, 1957.
13. Борьба за Советскую власть в Крыму: Документы и материалы. Симферополь, 1957. Т. I.
14. Интернет-проект «Архив Александра Н. Яковлева». – Режим доступа: <http://www.alexanderyakovlev.org/>
15. Матеріали про репресованих представників кримськотатарської еліти. – Режим доступа:http://www.sbu.gov.ua/sbu/control/uk/publish/article?art_id=87291&cat_id=87290
16. Чичерюкин-Мейнгардт В.Г. Особая следственная комиссия по расследованию злодеяний большевиков. – Режим доступа: <http://swolkov.narod.ru/doc/kt/pre.htm>
17. Сведения о злодеяниях большевиков в гор. Евпатории, составленные «Особой комиссией по расследованию злодеяний большевиков, состоящей при главнокомандующем вооруженными силами на Юге России» от 24 июня 1919 года г. – Режим доступа: <http://swolkov.narod.ru/doc/kt/20.htm>
18. Мельгунов С.П. Красный террор в России 1918-1923. М., 1990.
19. Гарчев П.І., Кононенко А.П., Максименко М.М. Республіка Таврида. Київ, 1990.
20. Гарчев П.І., Овод В.В. Про створення Кримської Радянської Республіки // Український історичний журнал. 1992. № 4.
21. Линева К.К., Шарапа В.Ф. Крымское краевое правительство С. Сулькевича // МАИЭТ. 1996. Вып. V.
22. Мальгин А.В. К вопросу о Крымском краевом правительстве М.А. Сулькевича // Крымский музей. Симферополь, 1995. № 1 (1994 г.).
23. Мальгин А.В. Внешняя политика Крымского краевого правительства генерала Сулькевича // Крымский музей. Симферополь, 1995. № 1 (1994 г.).
24. Мальгин А.В. Культура Крыма в период гражданской войны // Крымский архив. Симферополь, 2007. № 10.
25. Филимонов С.Б. Крымские антибольшевистские газеты времен Гражданской войны как источник по истории науки, культуры и просвещения // Крымский архив. Симферополь, 2001. № 7.
26. Филимонов С.Б. Газета «Крымский вестник» периода Гражданской войны – ценный малоизвестный источник по истории отечественной интеллигенции, науки и культуры // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2005. № 9.
27. Филимонов С.Б. Интеллигенция Крыма времен Гражданской войны об исторических судьбах России и Украины (новые материалы) // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2006. № 12-13.
28. Брошеван В.М., Форманчук А.А. Крымская республика: год 1921 (Краткий исторический очерк). Симферополь, 1992.
29. Королев В. И. Крым. Век XX. Новые страницы истории. Симферополь, 2001.
30. Королёв В.И. Бунт на коленях: Политические партии в Таврической губернии в 1905-1907 гг. Симферополь, 1993.
31. Королев В.И. Политические партии Украины и Крыма. История и современность. Симферополь, 2002.
32. Громов С.Е. Украинские политические партии и организации в Крыму в период гражданской войны (1918-1920 гг.) // Додаток до «Вісника Університету внутрішніх справ». 1997. № 2.
33. Громов С.Е. К вопросу о деятельности крымскотатарской партии Милли-Фирка // Культура народов Северного Причерноморья. Симферополь, 1997. № 1.

34. Громов С.Е. К вопросу о деятельности ряда национальных партий и организаций в Крыму в период гражданской войны // Ученые записки Симферопольского государственного университета им. М.В. Фрунзе. Симферополь, 1998. № 6(45).
35. Абраменко Л. Последняя обитель. Крым, 1920-1921 годы. Киев, 2005.
36. История национального движения в Крыму (тюремные записки А.С. Айвазова) / Подг. текста, ком. и публ. А.В. Ефимова // Восточный свет. М., 2005. № 3; 4.
37. Росс Н.[Г.] Врангель в Крыму. Frankfurt/Main, 1982.
38. Тормозов В.Т. Советская историография истории белого движения (кон. 1920-х – 1991 гг.). М., 1994.
39. Тополянский В. Красный террор: восемь месяцев 1918 года // Континент. 2000. № 103. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/continent/2000/103/topol.html>
40. Красный террор в годы Гражданской войны / Под ред Ю.Г. Фельштинского и Г.И. Чернявского. М., 2004.
41. Прохорчик М.В. Политика генерала Врангеля в области просвещения и культуры // Материалы науч.-практич. конф. «V Таврические научные чтения, г. Симферополь, 21 мая 2004 г.». Симферополь, 2005.
42. Зарубин А.Г. Основные проблемы Советского периода истории Крыма // Ватан. Симферополь, 1992. № 3.
43. Зарубин А.Г. Крымскотатарское национальное движение в 1917-1921 гг. [Документы] // Вопросы развития Крыма. Научн.-практич. дискуссионно-аналитический сб. Симферополь, 1996.
44. Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Крымскотатарское национальное движение в 1917 – начале 1918 гг. // История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь, 1993.
45. Зарубин В.Г., Зарубин А.Г. Крымскотатарское национальное движение (июнь 1918 – ноябрь 1920 гг.) // Проблемы межнациональных отношений в Крыму в XX столетии (Материалы республиканской научн.-практич. конфер. Симферополь, 26 мая 1995 г.). Вып. 1. Симферополь, 1996.
46. Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. К истории Милли-Фирка (Национальной партии) // Крымский музей. Симферополь, 1995. № 1 (1994 г.).
47. Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Из истории крымскотатарского национального движения летом 1919-1920 гг. // МАИЭТ. 1996. Вып. V.
48. Зарубин В.Г. Из истории государственности Крыма в годы революции и гражданской войны // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 1997. Вып. 1.
49. Зарубин В.Г. Межнациональные отношения, национальные партии и организации в Крыму (начало XX в. – 1921 г.) // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2003. № 1.
50. Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Без победителей. Из истории гражданской войны в Крыму. Симферополь, 2008.
51. Яблоновская Н.В. Журнал «Известия караимского Духовного Правления» (1917-1919) в контексте караимской прессы начала XX века // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 2005. № 56.
52. Яблоновська Н.В. Журнал кримських караїмів «Бизым йол» («Наш шлях») у світлі традицій караїмської преси і національної політики Кримської АРСР // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 2004. № 55, Т. 2.
53. Яблоновська Н.В. Етнічна преса Криму: Історія та сучасність. Симферополь, 2006.
54. Белый О.Б. Документы из истории караимской общины г. Бахчисарая начала XX в. // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 2001. Вып. 2.
55. Белый О.Б. Из истории караимской общины Бахчисарая // Nomos. Kwartalnik religioznawczy. Krakow, 1999/2000. № 28/29.

56. Белый О.Б. К вопросу о взаимоотношениях советского государства и караимской конфессии в 1920-1930 гг. (по материалам ГААРК) // Этнография Крыма XIX-XX вв. и современные этнокультурные процессы: Материалы и исследования. Симферополь, 2002.
57. Крестьянников В.В. «Варфоломеевские ночи» в Севастополе в феврале 1918 г. // Севастополь: взгляд в прошлое. Сб. научн. статей сотрудников Государственного архива г. Севастополя. Севастополь, 2006.
58. Ишин А.В. Неизвестные страницы Гражданской войны в Крыму: год 1921-й // Крымский архив. Симферополь, 2002. № 8.
59. Бобков А.А. Красный террор в Крыму 1920-1921 гг. // Белая Россия. Опыт исторической ретроспекции. Материалы международной научной конференции в Севастополе. СПб.; М., 2002.
60. Бобков А.А. Разворот Солнца над Аквилоном вручную. Феодосия и феодосийцы в русской смуте. Год 1918. Феодосия; Симферополь, 2008.
61. Чикин А. Распятый мир. Севастопольская Голгофа. 1918 год. Севастополь, 2005.
62. Давыдова Н.А. Отношение органов Советской власти к служителям религиозных культов в Севастополе в 1920-1930 годы // В поисках утраченного единства: Сб. ст. Симферополь, 2005.
63. Терещук Н.М. Взаимоотношение религиозных общин нехристианских конфессий с органами Советской власти в 20-е годы // В поисках утраченного единства. Сб. ст. Симферополь, 2005.
64. Терещук Н.М. История караимской общины Севастополя в условиях поликультурного общества (вторая половина XIX – 1920-е гг.): по данным Государственного архива города Севастополя // Культурно-цивилизационный диалог и пути гармонизации межэтнических и межконфессиональных отношений в Крыму. Сб. науч. ст. Симферополь, 2008.
65. Терещук Н.М. Караимы Севастополя: история и судьбы в архивных документах // Материалы науч.-практич. конф. «IX Таврические научные чтения, г. Симферополь, 30 мая 2008 г.». Ч. 2. Симферополь, 2009.
66. Дьяконова И.А. Караимская община Севастополя (в XIX – начале XX века) // Х Дмитриевские чтения (16–17 марта 2006 г.). История Южного берега Крыма: Сб. науч. ст. Симферополь, 2008.
67. Артизов А.Н. 1922 г.: Высылка интеллигенции // Новая и новейшая история. 2002. № 5.
68. Артизов А.Н. «Очистим Россию надолго». К истории высылки интеллигенции в 1922 г. // Отечественные архивы. 2003. № 1.
69. Кутайсов В.А. Национальные съезды крымских караимов // Крымские караимы. Историческая территория, этнокультура. Симферополь, 2005.
70. Чижова Л.В. Караимы // Тюркские народы Крыма: Караимы. Крымские татары. Крымчаки / Отв. ред. С.Я. Козлов, Л.В. Чижова. М., 2003.
71. Лебедева Э.И. Очерки по истории крымских караимов-тюрков. Симферополь, 2004.
72. Кефели В.И., Лебедева Э.И. Караимы – древний народ Крыма. Симферополь, 2003.
73. Кальфа М.И. Священная колыбель Кале в 1917-1920 гг. // Крымские караимы. Историческая территория, этнокультура. Симферополь, 2005.
74. Кропотов В.С. Военные традиции крымских караимов. Симферополь, 2004.
75. Оболенский В.А. Крым при Деникине // Крымский архив. Симферополь, 2001. № 7.
76. Деникин А.И. Путь русского офицера. М., 1991.
77. Богданович В.А. Крым. 1920 год. Воспоминания // Крымский архив. Симферополь, 2001. № 7.
78. Сапожников А.Л. Крым в 1917-1920 годах // Крымский архив. Симферополь, 2001. № 7.
79. Гарин-Михайловский Г.Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства // Крымский архив. Симферополь, 2001. № 7.
80. Врангель П.Н. Воспоминания. Южный фронт (ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г.). М., 1992. Ч. I.

81. «Рядовой русский беженец...». Эмигрантский дневник П.С. Бобровского // Крымский архив. Симферополь, 2002. № 8.
82. Епанчин Н.А. Крым в 1917–1920-е годы. Воспоминания // Крымский архив. Симферополь, 2002. № 8.
83. Ельяшевич Б.С. Караимский биографический словарь (от конца VIII в. до 1960 г.) // Материалы к сер. «Народы и культуры». Вып. XIV. Караимы. Кн. 2. М., 1993.
84. Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Крым в 1917 г.: От эйфории Марта к конфронтации Октября // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2006. № 14.
85. ГААРК, ф. 241, оп. 2, д. 74.
86. Хроника текущей жизни. Симферополь: Таврический банк // Караимская жизнь. М., 1911. Кн. 1, июнь.
87. Крестьянников В.В. Севастопольская городская организация партии социалистов-революционеров в 1917 г. // Севастополь: взгляд в прошлое. Сб. научн. статей сотрудников Государственного архива г. Севастополя. Севастополь, 2006.
88. Купченко В.П. Кто был кто в Феодосии и Феодосийском уезде, включая гостей полуострова. 1783 – 1-я треть XX в. Опыт биографического справочника. (Рукопись).
89. Макаров В.Г., Христофоров В.С. Пассажиры «философского парохода» (судьбы интеллигенции, репрессированной летом-осенью 1922 г.) // Вопросы философии. М., 2003. № 7.
90. Хроника текущей жизни. Севастополь: Благотворительное общество // Караимская жизнь. М., 1911. Кн. 2, июль.
91. Москва, расстрельные списки: Бутовский полигон. – Режим доступа: <http://www.ihst.ru/projects/sohist/repress/butovo.htm>; <http://rusdrev.narod.ru/P/pigarev.htm>
92. Зинухов А. Бал у сатаны // Совершенно секретно. 1997. № 5.
93. [Катык А.И.] От редакции // ИТОКДП. Евпатория, 20 мая 1917. № 1.
94. Хроника. Гахам указал... // ИТОКДП. Евпатория, 20 мая 1917. № 1.
95. Костин Н. Отравленные пули. Десять покушений на В. Ульянова (Ленина). М., 2000. – Режим доступа: <http://www.stel.ru/museum/costin/kostin13.htm>
96. Комментарий / А.Н. Захаров, Т.К. Савченко, Н.Г. Юсов, С.П. Кошечкин, М.В. Скороходов, С.И. Субботин // Есенин С.А. Полное собрание сочинений: В 7 т. Т. 7. Кн. 1. Автобиографии. Дарственные надписи. Фольклорные материалы. Литературные декларации и манифесты. М., 1999.
97. ГААРК, ф. 241, оп. 2, д. 12.
98. Шелохаев В.В. Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии 1907-1914 гг. М., 1991.
99. Березовая Л.Г. Становление и деятельность либеральных и буржуазных партий // Очерки по истории политических партий и движений в России. Ростов н/Д, 1992. Кн. 2. Вып. 4.
100. Кувшинов В.А. Кадеты в России и за рубежом (1905-1943). М., 1997.
101. Официальный отдел: Об изменении установленной Временным правительством 7 марта 1917 года формы присяги для лиц караимского вероисповедания // ИТОКДП. Евпатория, 20 мая 1917. № 5-6.
102. ГААРК, ф. 241, оп. 2, д. 11.
103. ГААРК, ф. 241, оп. 2, д. 13.
104. Белый О.Б. История и культура крымских караимов на страницах журнала «Известия Таврического и Одесского Караимского Духовного Правления» (1917-1919 гг.) // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII.
105. Катык (Сарибан) Арон Ильич // Ельяшевич Б.С. Караимский биографический словарь (от конца XVIII века до 1960 г.): Караимы. Материалы к серии «Народы и культуры» / Под ред. М.Н. Губогло, А.И. Кузнецова, Л.И. Миссоновой. М., 1993. Вып. XIV, кн. 2.
106. ГААРК, ф. 241, оп. 2, д. 114.

107. [Катык А.И.] От редакции // ИТОКДП. Евпатория, 20 мая 1917 г. № 1.
108. А.К. [Катык А.И.] От редакции // ИТОКДП. Евпатория, 10 июня 1917 г. № 2.
109. Катык А. От редакции // ИТОКДП. Евпатория, 10 июля 1917 г. № 3.
110. Хроника. От наших корреспондентов: Екатеринослав // ИТОКДП. Евпатория, 10 июня 1917 г. № 2.
111. Ельяшевич С.[С.] Цивилизация и национальность // ИКДП. Евпатория, июль 1918 г. № 1.
112. Ельяшевич С.[С.] Цивилизация и национальность // ИТОКДП. Евпатория, 5 августа 1917 г. № 4.
113. Ельяшевич Сима Саадьевич // Ельяшевич Б.С. Караимский биографический словарь (от конца XVIII века до 1960 г.): Караимы. Материалы к серии «Народы и культуры» / Под ред. М.Н. Губогло, А.И. Кузнецова, Л.И. Миссоновой. М., 1993. Вып. XIV, кн. 2.
114. Ельяшевич С.[С.] Цивилизация и национальность // ИТОКДП. Евпатория, 1917 г. № 5-6.
115. От Евпаторийской организационной группы. [Воззвание Евпаторийской организационной группы организации караимской национально-демократической партии культурного самоопределения] // ИТОКДП. Евпатория, 20 мая 1917 г. № 1.
116. Г.С. [Шапшал С.М.] Об уменьшении числа караимов // ИТОКДП. Евпатория, 5 августа 1917 г. № 4.
117. Прохоров Д.А. К вопросу о численности караимского населения в Таврической губернии в середине XIX – начале XX вв. // Материалы IV всекрымской научной конференции «Молодая наука Крыма–2007» (28 октября 2008 г.). Симферополь, 2008.
118. Тришкан Юфуда Юфудович // Ельяшевич Б.С. Караимский биографический словарь (от конца XVIII века до 1960 г.): Караимы. Материалы к серии «Народы и культуры» / Под ред. М.Н. Губогло, А.И. Кузнецова, Л.И. Миссоновой. М., 1993. Вып. XIV, кн. 2.
119. Эмиграция. Зарубежные караимы // Караимская народная энциклопедия: в 6 т. М., 2000. Т 6, ч. I: Караимский дом.
120. ГААРК, ф. 450, оп. 1, д. 79.
121. Проект программы Караимской национально-демократической партии культурного самоопределения // ИТОКДП. Евпатория, 10 июня 1917 г. № 2.
122. Хроника. От наших корреспондентов: Симферополь // ИТОКДП. Евпатория, 10 июня 1917 г. № 2.
123. Шелохаев В.В. Национальный вопрос в России. Либеральный вариант решения // Кентавр. 1993. № 2; 3.
124. Саидкасимов С.С. Национальный вопрос в программах политических партий России // Кентавр. 1992. № 1-2.
125. Сарбей В.Г. Проблемы истории национальных движений: современный взгляд // Россия в XX веке: Историка мира спорят. М., 1994.
126. Куницын Г.И. Самоопределение наций – история вопроса и современность // Вопросы философии. 1995. № 5.
127. Кувшинов В.А. Программа партии кадетов // Вопросы истории КПСС. 1991. № 8.
128. Булдаков В.П. Национальные программы правящих партий России в 1917 г. (проблемы взаимодействия) // Непролетарские партии и организации национальных районов России в Октябрьской революции и гражданской войне. М., 1980.
129. Пилецкий О.И. О караимах-беженцах Литвы // ИТОКДП. Евпатория, 5 августа 1917 г. № 4.
130. Хроника. От наших корреспондентов: Евпатория // ИТОКДП. Евпатория, 10 июня 1917 г. № 2.
131. Пилецкий Овадий Ильич // Ельяшевич Б.С. Караимский биографический словарь (от конца XVIII века до 1960 г.): Караимы. Материалы к серии «Народы и культуры» / Под ред. М.Н. Губогло, А.И. Кузнецова, Л.И. Миссоновой. М., 1993. Вып. XIV, кн. 2.
132. Прохоров Д.А. Культурно-просветительские организации и объединения караимов в Крыму в 1910-х – 1920-х гг. // Материалы науч.-практич. конф. «IX Таврические научные чтения, г. Симферополь, 30 мая 2008 г.». Симферополь, 2009. Ч. 2.

133. Съезд Караимского Духовенства в г. Евпатории (18-27 июня 1917 г.) // ИТОКДП. Евпатория, 10 июля 1917. № 3.
134. Неофициальный отдел. Примерный проект устава об управлении делами Караимских общин, выработанный съездом караимского духовенства в г. Евпатории, на заседании от 21 июня 1917 г. // ИТОКДП. Евпатория, 5 августа 1917 г. № 4.
135. Протоколы заседаний Общенационального Караимского Съезда, происходившего в Евпатории от 27 августа по 3 сентября 1917 года // ИТОКДП. Евпатория, 1 ноября 1917 г. № 5-6.
136. Деятельность Сопещения при Караимском Духовном Правлении с участием делегатов от общин (16–21 июля 1917 г.) // ИТОКДП. Евпатория, 5 августа 1917 г. № 4.
137. ГААРК, ф. 241, оп. 2, д. 8.
138. Шапшал С.[М.] Официальный отдел. Боговозлюбленные братья и сестры! [Послание Гахама от 27 Ияра 5677 года (6 мая 1917 г.)] // ИТОКДП. Евпатория, 20 мая 1917. № 1.
139. Вопросы, подлежащие обсуждению на Национальном Съезде 27 августа 1917 г. в г. Евпатория // ИТОКДП. Евпатория, 20 мая 1917. № 1.
140. Катык А. От редакции. Национальный Караимский Съезд // ИТОКДП. Евпатория, 1-го ноября 1917. № 5-6.
141. Прохоров Д.А. Органы караимского конфессионального самоуправления и проблема прозелитизма, межконфессиональных и межэтнических браков в Таврической губернии в XIX – начале XX века (по материалам фонда ТОКДП) // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2007. № 18.
142. Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. 1918 год в Крыму: Большевики приходят к власти // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2006. № 16.
143. Деятели крымскотатарской культуры (1921-1944 гг.). Библиографический словарь / Ред.-сост. Д.П. Урсу. Симферополь, 1999.
144. А.К. [Катык А.И.]. Скорбный лист // ИКДП. Евпатория, июль 1918. № 1.
145. ГААРК, ф. 376, оп. 5, д. 13600.
146. Хроника. От наших корреспондентов. Симферополь // ИТОКДП. Евпатория, 5 августа 1917 г. № 4.
147. Купченко В. Красный террор в Феодосии // Известия Крымского республиканского краеведческого музея. Симферополь, 1994. № 6.
148. Хроника. Евпатория // ИКДП. Евпатория, июль 1918. № 1.
149. Казас Борис Ильич // Ельяшевич Б.С. Караимский биографический словарь (от конца XVIII века до 1960 г.): Караимы. Материалы к серии «Народы и культуры» / Под ред. М.Н. Губогло, А.И. Кузнецова, Л.И. Миссоновой. М., 1993. Вып. XIV, кн. 2.
150. Зарубин В.Г. Об этноконфессиональном конфликте в Крыму (1918 г.) // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 2001. Вып. 2.
151. ГААРК, ф. 241, оп. 2, д. 46.
152. Официальный отдел. Постановление Крымского правительства // ИКДП. Евпатория, декабрь 1918 г. № 2.
153. [Изменения ст.[атьи] 88 Устава гражданского судопроизводства // Вестник Крымского правительства. 1918. № 30. 27(14) сентября.
154. Хроника // Голос евпаторийского пролетариата. 1919. № 16. 9 мая.
155. ГААРК, ф. 241, оп. 2, д. 76, л. 16.
156. Протокол 47-го заседания Общества [Таврического общества истории, археологии и этнографии] 21 ноября 1926 г. // Филимонов С.Б. Хранители исторической памяти Крыма: О наследии Таврической ученой архивной комиссии и Таврического общества истории, археологии и этнографии (1887-1931). Симферополь, 2004.
157. Королев В.И. Возникновение политических партий в Таврической губернии. Симферополь, 1993.

158. ГААРК, ф. 241, оп. 2, д. 41.
159. Отчет за 1917 г. прихода и расхода сумм Караимского Духовного Правления // ИКДП. Евпатория, июль 1918 г. № 1.
160. Смета расходов Духовного правления на 1918 г. // ИКДП. Евпатория, июль 1918 г. № 1.
161. К пополнению общинами перерасхода по содержанию Духовного Правления // ИКДП. Евпатория, декабрь 1918 г. № 2.
162. К пополнению общинами перерасхода по содержанию Духовного Правления (продолжение) // ИКДП. Евпатория, февраль 1919 г. № 1.
163. Таврическому и Одесскому Караимскому Духовному правлению [Письмо членов Харьковской караимской общины] // ИКДП. Евпатория, июль 1918 г. № 1.
164. Список членов Харьковской караимской общины, сделавших добровольное пожертвование на усиление средств Александровского Караимского Духовного Училища // ИКДП. Евпатория, июль 1918 г. № 1.
165. ГААРК, ф. 241, оп. 2, д. 67.
166. ГААРК, ф. 241, оп. 2, д. 42.
167. Г.А. [Катык А.И.] Объезд караимских общин Высококостепенным гахамом Таврическим и Одесским // ИТОКДП. Евпатория, 1-го ноября 1917. № 5-6.
168. ГААРК, ф. 241, оп. 1, д. 1665.
169. Пилецкий О.И. Первая Караимская Богадельня // ИТОКДП. Евпатория, 1-го ноября 1917. № 5-6.
170. Серков А.И. Массонские доклады Г.И. Газданова // Новое литературное обозрение. 1998. № 31.
171. Берберова Н.И. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. Харьков; М., 1997.
172. ГААРК, ф. 241, оп. 2, д. 10.
173. Список лиц, сделавших пожертвование в пользу Караимской богадельни «Ярдым» имени Акбике Шапшал в г. Евпатории // ИКДП. Евпатория, декабрь 1918 г. № 2.
174. Список лиц, сделавших пожертвование в пользу Караимской богадельни «Ярдым» имени Акбике Шапшал // ИКДП. Евпатория, февраль 1919 г. № 1.
175. Список пожертвований, поступивших в пользу Александровского Караимского Духовного училища // ИТОКДП. Евпатория, 1 ноября 1917 г. № 5-6.
176. Список членов Херсонской общины, пожертвовавших на усиление фонда Александровской караимской духовной Семинарии // ИКДП. Евпатория, июль 1918 г. № 1.
177. Список лиц Армяно-Базарской Караимской общины, пожертвовавших в распоряжение Его Преосвященству Таврического и Одесского Гахама в фонд Александровского училища // ИКДП. Евпатория, июль 1918 г. № 1.
178. Список членов Харьковской караимской общины, сделавших добровольное пожертвование на усиление средств Александровского Караимского Духовного Училища // ИКДП. Евпатория, июль 1918 г. № 1.
179. Список пожертвований, поступивших в пользу Александровского Караимского Духовного училища. I. От членов Армянской Караимской общины // ИКДП. Евпатория, декабрь 1918 г. № 2.
180. Список пожертвований, поступивших в пользу Александровского Караимского Духовного училища. II. От членов Екатеринославской Караимской общины // ИКДП. Евпатория, декабрь 1918 г. № 2.
181. Список пожертвований, поступивших в пользу Александровского Караимского Духовного училища. II. От членов Новороссийской Караимской общины // ИКДП. Евпатория, декабрь 1918 г. № 2.
182. ГААРК, ф. 241, оп. 2, д. 62.
183. ГААРК, ф. 450, оп. 1, д. 124.
184. Хроника (от наших корреспондентов). Евпатория. Местная интеллигенция... // ИКДП. Евпатория, декабрь 1918 г. № 2.

Прохоров Д.А. Общественные, национально-культурные объединения ...

185. Прохоров Д.А. Система народного образования караимов Таврической губернии во второй половине XIX – начале XX вв. // МАИЭТ. 2006. Вып. XIII.
186. Врангель П.Н. Оборона Крыма // Гражданская война в России: Оборона Крыма. М.; СПб., 2003.
187. Шапшал Сергей Маркович // Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов: Дооктябрьский период / Сост. А.Н. Кононов. М., 1989.
188. Баскаков Н.А., Тинфович М.С. Сергей Маркович Шапшал (к 100-летию со дня рождения) // Советская тюркология. 1973. № 3.
189. Янбаева Я. Из материалов к биографии профессора С.М. Шапшала // Евреи в России: История и культура: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Д.А. Эльшеевич. СПб., 1994.

Прохоров Д. А.

Суспільні, національно-культурні об'єднання і органи конфесійного самоврядування кримських караїмів у 1917-1920 рр.

Резюме

У статті проаналізовано діяльність караїмських суспільно-політичних організацій, національно-культурних об'єднань та органів конфесійного самоврядування караїмів в період з 1917 по 1920 рр. На широкому історичному фоні, з використанням джерел, що раніше не публікувалися, і архівних матеріалів (частина з яких вводиться до наукового обігу вперше) досліджені етапи розвитку суспільно-політичного руху серед кримських караїмів; оцінено ступень їх участі в подіях, що відбулися після Лютневої революції 1917 р. Безпосередню увагу приділено діяльності караїмських суспільних і політичних об'єднань в умовах зміни політичних режимів в Криму в 1917-1920 рр. Зокрема, розглянуто: діяльність Таврійського та Одеського караїмського духовного правління в контексті соціальних і політичних трансформацій в російському суспільстві; робота караїмських з'їздів різного рівня – від нарад караїмського духовництва до загальнонаціональних караїмських з'їздів, де обговорювалися чисельні питання суспільного і релігійного характеру. Крім того, реконструйовано історію створення при ТОКДП Караїмської Національної Ради в Євпаторії та «Караїмської Національно-демократичної партії культурного самовизначення» – питання, які до цього залишалися недослідженими в літературі.

Прохоров Д. А.

Общественные, национально-культурные объединения и органы конфессионального самоуправления крымских караимов в 1917-1920 гг.

Резюме

В статье проанализирована деятельность караимских общественно-политических организаций, национально-культурных объединений и органов конфессионального самоуправления караимов в период с 1917 по 1920 гг. На широком историческом фоне, с использованием ранее не публиковавшихся источников и архивных материалов (часть

из которых вводится в научный оборот впервые) прослежены этапы развития общественно-политического движения среди крымских караимов; оценена степень их участия в событиях, последовавших после Февральской революции 1917 г. Непосредственное внимание уделено деятельности караимских общественных и политических объединений в условиях смены политических режимов в Крыму в 1917-1920 гг. В частности, рассмотрены: деятельность Таврического и Одесского караимского духовного правления в контексте социальных и политических трансформаций в российском обществе; работа караимских съездов различного уровня – от совещаний караимского духовенства до общенациональных караимских съездов, на которых обсуждались многочисленные вопросы общественного и религиозного характера. Кроме того, реконструирована история создания при ТОКДП Караимского Национального Совета в Евпатории и «Караимской Национально-Демократической партии культурного самоопределения» – вопросы, которые до сих пор оставались неисследованными в литературе.

Prokhorov D. A.

Public, National-cultural Associations and Bodies of Confessional Self-government of Crimean Karaites in 1917-1920

Summary

The activities of Karaites social-political organizations, national-cultural associations and bodies of confessional self-government of the Karaites in the period since 1917 to 1920 are analyzed in the article. The stages of the development of social-political movement among the Crimean Karaites were traced basing on sources that have not been published before and archive material (some of them are introduced into scientific circulation for the first time); the degree of their participation in the events after the February Revolution in 1917 was estimated. Close attention is paid to the activities of Karait public and political associations under the conditions of change of political regimes in Crimea in 1917-1920. In particular, the following problems are considered: the activities of Taurida and Odessa Karaites religious governing in the context of social and political transformation in Russian society; the work of Karaites congresses of different levels – from meetings of the Karait clergy to all-national Karait congresses where numerous problems of public and religious character. Moreover, the history of the creation of Karait National Soviet in Evpatoria and «Karait National-Democratic party of cultural self-identification» – the problems that have been not investigated in literature up to this very day- were reconstructed in this article.